

ЯН БАДЕВСКИЙ
МАСТЕР НОЖЕЙ

DRAGART

Преддверье

Ян Бадевский
Мастер ножей

«Автор»

2024

Бадевский Я.

Мастер ножей / Я. Бадевский — «Автор», 2024 — (Преддверье)

Клинки и руны – это всё, что необходимо знать мастеру ножей. Ольгерд, изгнанный своей Гильдией за бойню в Ламморе, странствует по континенту в сопровождении зверя, страшнее которого нет на планете. Мастер нанимается телохранителем к человеку, знающему всё об истинной природе Преддверья. Но и этот человек боится Посторонних – представителей мифической расы, сокрушившей Демиургов. Грядёт новая война. И Ольгерду отведена в этом противостоянии не последняя роль.

Содержание

ЧАСТЬ 1. ТВЕРДЬ. Глава 1. Случай в таверне	5
Глава 2. Дом с флюгером	10
Глава 3. Коэн из Предельных Чертогов, странствующий посредник	14
Глава 4. Крумск	20
Глава 5. Разговор в библиотеке	26
Глава 6. Предупреждение	29
Глава 7. Бойня в Лесистых Фьордах	33
Глава 8. Руны на песке	37
Глава 9. Путешествие к Лихому Броду	43
Глава 10. Посторонний	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ян Бадевский

Мастер ножей

ЧАСТЬ 1. ТВЕРДЬ. Глава 1. Случай в таверне

«Таран» был лучшей таверной в Ламморе.

До этого дня.

Сейчас Старый Джеб, по слухам, собирается её продавать. И со всеми пожитками перебираться в Инневен или куда подальше. Вот только ума не приложу, кто её купит. Потому что теперь в городе никто не скажет: «Идём на „Таран“». Заведение в упадке, его огибают стороной за три улицы. Джеб кормится за счёт совсем уж редких гостей из отдалённых краёв, где не слышали россказней о том вечере...

Всё началось с воздушной пристани.

Наш город издревле расположен на перекрёстке воздушных потоков. И речь, как вы понимаете, не о западных ветрах, дующих в это время года. Через Ламмору проходит много транзитных путей. Пассажирских и грузовых. Ещё раз подчеркну – транзитных. У нас никто подолгу не задерживается. Люди прилетают и улетают. А мы остаёмся – с нашими кривыми улочками, ярусами каменных домов, громоздящихся на холмах, извилистыми лестницами, рекой, разрезающей город на две части, мостами и фонарями. С нашим вечным туманом, спустившимся с гор. Постоялыми дворами, представительствами гильдий и угрюмым Храмом Демиургов.

Я бы снёс пристань, если хотите знать моё мнение. Своего сброда предостаточно, а тут ещё и приезжий. Но это так. К слову.

А хуже всего то, что приезжают не люди.

Или не совсем люди.

А бывает – и вовсе невесть кто.

Пассажирский браннер причалил в тот день по расписанию. Существо размером с трёхэтажный дом, сферической формы, накрытое крупноячеистой сетью, к которой крепились стальными кольцами стропы, удерживающие вытянутую корзину. Браннеры смахивают на тех глубоководных рыб, что продаются по воскресеньям на рынке, – надутые шипастые мешки с выпученными глазами. Вроде, дорогой деликатес.

Ранним утром из тумана выдвинулись две тени. Вторая, менее массивная, оказалась корзиной – длинным овоидом, оснащённым тускло светящимися в предрассветной мути иллюминаторами. Сверху к корзине прилепилась надстройка, предназначенная для команды погонщиков.

Браннер двигался медленно. Едва заметно. Раздался утробный звук: то ли существо переваривало пищу, то ли подавало какой-то сигнал. Корзина застыла в метре от посадочной площадки. В корпусе образовался провал – вход в тамбур. Из него выдвинулся трап, скользнул деревянным языком к площадке и с глухим стуком опустился на неё.

Браннер завис.

Из открытой двери лился свет газовой лампы. На сходнях возникла тень погонщика с причальным канатом в руках. Привычным движением он набросил петлю на штырь и затянул в узел. И снова скрылся в тамбуре.

На площадку спустились трое. Их было трудно рассмотреть. Таможенник, делавший отметку в журнале прибытия, сказал позже, давая показания, что «их лица всякий раз другие». Мне понятно, что это охранная магия, очень сложная и дорогая, к ней прибегают немногие и в исключительных случаях. Расписавшись в отсутствии клади, пришлые двинулись вниз

по винтовой лестнице, ведущей в город. Они достаточно быстро нашли постоянный двор, где остановились, оплатив номер на неделю вперёд. Я знаю этот двор и его хозяина. «Уют», третьесортная ночлежка, в которой живут вори и всякое отребье. Малолетние шлюхи приводят сюда клиентов. Хозяин, не спрашивая грамот и документов, швырнул на стойку ключ. Троица молча поднялась наверх.

Вы спросите, откуда я всё это знаю. Я ведь ничего не видел собственными глазами. Верно. Не видел. Добрые люди рассказали. А детали, вроде швыряния ключа, – работа моего воображения. Я хорошо изучил людей в городе и их привычки. Ремесло у меня такое. Я – мастер ножей.

Здесь придется сделать маленькое отступление.

Оговорку.

Мастер ножей есть в каждом городе. И всегда один. Профессия редкая, обучение долгое и трудное. Да ещё природный дар нужен. Склонность к магии воздуха. И рунам. И разрешение нашей гильдии, как же без него. Когда город хочет получить мастера ножей, местный властитель или совет старейшин делает запрос в Трордор, где живёт наш Магистр. А это, между прочим, за тридевять земель, на другом краю континента. Просьбу могут удовлетворить не сразу, а лишь через год или два. Это зависит от того, прошёл ли обучение новый мастер. А ещё луны и знаки должны одобрить связь города и мастера. Так что теперь вы понимаете, что всякий встречный-поперечный на это дело не годится. А также понимаете, насколько сильно я связан с Ламморой и как больно мне было, когда я её покидал.

Но об этом позже.

Горожане привыкли думать, что мы куём ножи, пусть и дорогие, снабжаем их рунами и продаём. Конечно, это товар для элиты. Нужны звонкие монеты, базовые магические навыки и владение короткими клинками. Это не совсем так. Мастера ножей занимаются не только этим. Мы – что-то вроде последней инстанции городских властей. Бургомистр или Совет прибегают к нашей помощи в экстренных случаях. Например, для поимки опасного преступника. Или охраны важного груза в дороге. Последнее, конечно, нежелательно, мы ведь не любим покидать пределы своего города, но никто от таких заданий не застрахован.

А ещё мы бережём Храм.

Вот в этом я вижу меньше всего смысла. Подумайте, кто в наш век нападает на Храмы Демииургов? Да и кто в них ходит вообще...

Итак, наши гости поселились в «Уюте». Браннер простоял на приколе три часа и ушёл без них. Хозяин двора впоследствии заявил, что постояльцы хлопот не доставляли. Они покинули комнату вечером, после смены второй стражи, и направились в «Таран», где в это время уже сидел я.

Если отмотать ещё немного назад и переместиться в речной порт сразу после полудня, мы увидим, как вверх по течению, попыхивая трубой, плывёт катер. Энергия пара используется жителями Трордора. Там магия соседствует с наукой, очень странное место. В наших краях паровая машина – дикость. Так вот. Катер причалил к третьему пирсу и изверг компанию ничем не примечательных людей. Их было около десяти. Общались жестами, слов произносили мало. Двигались слаженно, так что всякому было ясно, что это отряд. Покинув порт, они разделились, слившись с толпой.

Я в «Таране».

Вечер.

Собираются завсегдагаи. Подтягиваются портовые рабочие, наёмники, гулящие девки, игроки в грабл. Заглядывают и обычные пьяницы. Изредка на пороге возникают стражники. Берут по кружке глинтвейна, не спеша выпивают, пристально оглядывая зал, и бредут дальше – нести свою службу.

Пью горячий травяной отвар. Как всегда. Из года в год. Джеб наливает мне его, не задавая лишних вопросов. Мой столик в дальнем углу таверны неизменно свободен. Это мой пост. Три часа я обязан отсидеть за этим столиком. Чтобы меня было легко найти.

И меня нашли.

Только не люди бургомистра.

Совсем другие... люди.

Посетителей становилось всё больше. На улице моросил противный мелкий дождь, и горожане рассасывались по тёплым закуткам. Пылал камин. Звон посуды, громкий смех, гитарные переборы. Как сейчас помню. Я встал из-за стола. Направился к стойке, чтобы заказать суп из древесных грибов и поджарку. В этот момент всё и случилось.

Меня кто-то потянул за рукав.

Я замер.

Посмотрел вниз – и встретился взглядом с незнакомой мне женщиной. Она сидела в компании парней, которые мне сразу не понравились. Пахнуло от них чем-то *нездеишим*, чужеродным. Словно не с Тверди они вовсе. А может, и не с Облаков, а откуда-то из-за горизонта... То было мимолётное наваждение. Накатило, подобно приливной волне, и схлынуло.

Вот только меня по-прежнему держали за руку.

И этот пристальный взгляд.

– Мы знакомы? – спросил я.

– Нет.

Голос у неё был глухим. Приятным. Как и внешность. Стоп. Внешность? Запомнить её не представлялось возможным. Стоит отвернуться – и перед тобой новый человек. С той же осанкой и комплекцией, но неуловимо изменившимися чертами.

– Чем могу быть полезен? – я всё ещё старался быть вежливым.

– Сядьте.

Я не шелохнулся.

Её голос был властным. А я не повиновался никому, кроме бургомистра Ламморы и руководства моей гильдии.

Женщина вздохнула.

И произнесла фразу, от которой меня мороз продрал по коже:

– Именем Завеи, Матери Ветров, заклинаю тебя, мастер ножей. Помоги.

Ноги подкосились.

Я сел.

– Тише. Не хватало ещё, чтоб остальные услышали истинное имя нашего мира.

Женщина больше не держала меня за руку. Слова, подчиняющие таких как я, были произнесены. От меня чего-то очень сильно хотели. Причём существа, которых я не знал, чьи намерения были от меня скрыты.

– Я шёл заказывать еду.

Женщина улыбнулась.

– И закажешь. Но сначала выслушаешь то, что я скажу.

Я кивнул.

– Говори.

Мы незаметно перешли на «ты». Нас сблизила Завея, Мать Ветров и Перекрёстков. Божество, которому поклонялись жители отдалённых уголков небесных архипелагов. Истинное имя нашего мира, имевшее надо мной власть. Теперь я обязан помочь – так меня учили. Это не является какой-то непреодолимой магией или подчинением разума. Нет. Просто каждый в Гильдии с детства впитал мысль о том, что человек, знающий имя мира, вправе руководить нашими действиями. Заповедь, если хотите. Но заповедь, которую все мастера ножей свято соблюдают.

– Мы проездом в Ламморе, – начала она. – Завтра утром нас не будет. Скажем так – появится некто, и он нас заберёт.

– Так в чём проблема? Я не проводник.

– Нам это известно. Нам нужна охрана.

Я скривился.

– От кого?

– За нами охотится отряд наёмников. Они уже в городе. Возможно, в этой таверне. Вот всё, что тебе нужно знать. Сделай так, чтобы я и мои спутники дожили до рассвета.

Она закончила.

И теперь испытующе смотрела на меня. Мы оба понимали, что у меня нет выбора. В силу традиций она получит то, что желает. Но были вещи, которые я знать всё же хотел.

– Кто они?

Женщина пожала плечами.

– Тебя не касается.

– Люди?

– Из *вашего* мира.

– Они владеют магией? Чем вооружены? Сколько их?

Женщина задумалась.

– Мы предполагаем, что за нами идёт около десяти человек. Обычные наёмники. Без сверхспособностей.

Я кивнул.

И направился за своим супом. В это время в «Таране» служанку дожидаться нереально. И Джебу не до тебя – потоками льётся выпивка. Проще положить деньги на стойку и самому забрать у повара свой заказ.

Останавливаюсь.

Потому как затылком чую что-то неладное. Взгляд. И палец, замерший на спусковом крючке арбалета. Охранный амулет Гильдии всегда сообщает мне о таких вещах. Болт ещё не вспорол удушливое пространство таверны, но *предчувствие* уже поселилось во мне. Спасибо рунам.

Резкий разворот.

Я едва успел отбить стрелу кистевым щитком левой руки. Выбив искру, она срикошетила в соседний столик. Развалилась кружка с элем. Надо мной навис грозный бородатый детина с перекошенным от ярости лицом. Пришлось вырубить его ударом локтя в переносицу.

И выпустить первый нож.

Мужчина в дождевике, сидевший за три столика от меня, вскрикнул и поперхнулся собственной кровью. Ещё один, успевший сесть на моё место и достать иглострел, начал выбрасывать руку в моём направлении. Я послал второй нож. В грудную клетку. И тут же выхватил из набедренных чехлов дуэльные ножи. Вовремя. Справа возникла быстрая тень, оснащённая коротким мечом и топориком, который, вращаясь, отправился в полёт к моей голове. Ухожу с плоскости. Топор с хрустом вгрызается в стойку. Слышу, как отрывисто ругнулся Джеб.

Посетителей как ветром сдуло. Кто ломанулся к выходу, кто попрыгался по углам да в стенки вжался. Правильно. Мне нужно место. И оценка противника.

Один, с мечом, уже рядом. Трое обходят сзади. Ещё двое слева. Двигаются осторожно. Вскользь отбиваю рубящий диагональный удар, перемещаюсь на нижний уровень и вгоняю нож в живот незнакомого бедолаги. Выкручиваюсь ему за спину – так, чтобы падающее тело оказалось между мной и бравыми молодцами у стойки. Уклоняюсь от кастета, ломаю чью-то руку с тесаком, перерезаю сонную артерию. Рисую в воздухе руну возврата и перенаправления. Метательные ножи сами собой покидают мертвецов, чертят широкую дугу и выбирают новые цели. Взмах – и вновь кто-то рухнул на доски, заливая их кровью. Поддев носком сапога табу-

рет, швыряю в лицо последнего непрошеного гостя. Три быстрых шага, обмен связками ударов в диагонали и вертикали, и дело завершено.

Мои подзащитные даже не дёрнулись помочь.

Жуткое, доложу вам, зрелище представляла собой таверна. Ни в сказке сказать, ни пером описать. Хотя перьев у меня внушительный набор...

Руна возврата.

Ножи, встряхнувшись от крови, как живые, метнулись к бедренным и поясным чехлам. С лязгом втянулись в кистевой щиток лопасти баклера.

Таверна наполнилась звуками: причитаниями Старого Джеба, истошными криками молодой девки, шумом дождя за окном.

Внутри уже вбегали стражи. В чёрных доспехах, с обнажёнными мечами. И их было много.

Если вы живёте долго в этом несовершенном мире, то понимаете, что у любого явления есть двойное дно. И правильность ваших поступков в тот или иной миг проверяется временем. То есть последующим анализом события с различных ракурсов.

Мой ракурс не совпал с государственным.

Вперёд выступил капитан Глиссад.

– Здравствуй, Ольгерд.

Его взгляд не предвещал ничего хорошего.

– Тебе придётся пройти с нами.

Компания, которую я столь эффективно оборонял, испарилась. Столик был пуст. Больше изменчивых посетителей никто не видел.

Глава 2. Дом с флюгером

Странников никто не ждёт.

Но они приходят в твой дом. Иногда задерживаются, иногда – нет. Чаще второе. Перекусят, обогреются – и прочь, в мир дорог, перекрёстков и пыльных ветров. Оставляя тем, кто их приютит, тоску по дальним путешествиям, скрипу колёс и дыму походных костров. Уж такие они странные люди. Странники.

Выдался солнечный, приятный во всех отношениях день.

На рассвете я встал, умылся, натянул рабочие штаны и холщовую рубаху. Час поупражнялся с ножами на манекенах. Место для тренировок у меня оборудовано на заднем дворе, рядом с кузницей. Грубо скроенные чучела, набитые соломой, вращающиеся столбы, ошетилившиеся деревянными обрубками и прикрученными к ним проволокой клинками, брусья, турник, импровизированные гири под навесом... Не знаю, зачем мне всё это. Я ведь уже не мастер ножей.

Теперь я свободный фермер.

Солнце ползёт к зениту. Ни облачка. Я пропалываю и окучиваю грядки с овощами. Выпрямляюсь. Отираю пот со лба тыльной стороной ладони. Отсюда открывается великолепный вид на мой дом – двухэтажный, дуб и тёсанный камень, с крутым скатом крыши, террасой, каминной трубой и флюгером, который я выковал сам три года назад. Обычные стрелки с буквами, обозначающими стороны света. Дом утопает в зелени сада. Вишни, яблони, абрикосы. Я не строил этот дом. И не сажал этот сад. Я всё это купил. А затем начал расширять, достраивать и облагораживать.

Под кустом смородины, замотанная в рубаху, лежит фляга с водой. Разматываю. Пью. Разминаю суставы.

Дико хочется есть.

– Ольгерд!

Иду к воротам. Так и есть. У правого створа неуверенно переминается с ноги на ногу Валдис. Мой сосед, один из немногих, с кем я общаюсь.

Снимаю грязную рукавицу и протягиваю ему руку.

– Спрашивали тебя, – говорит Валдис.

Пристально смотрю на него.

– Кто?

– Мужик какой-то. По виду – издалека.

Пожимаю плечами.

Может, клиент. Изредка у меня заказывают ножи. Отзвуки былой молвы. Приезжают из разных уголков королевства. Но, повторюсь, – изредка.

– Где он сейчас?

– В корчме сидит. Прибыл в закрытом экипаже сегодня ночью. Прямоком на постоянный двор.

Молчу.

– Что делать будешь?

– Ничего. Захочет – придёт. Я ни от кого не скрываюсь.

Валдис кашлянул.

– Что ещё?

– Он сказал... что ему нужен мастер ножей. Он думает – это ты.

Во мне поднялась волна злости.

– Таких здесь нет.

Поворачиваюсь спиной к Валдису и бреду к дому.

Невежливо.

Сосед ведь ни в чём не виноват. Мне просто не доставляют радости воспоминания о последних днях службы в качестве ламморского мастера. Всё, к чему меня готовили, рассыпалось в одночасье в тот злополучный вечер.

Помню, как стражники вели меня тёмными пасмурными переулками в резиденцию ярла Кима, наместника короля, с которым мы ещё недавно сидели в одном пиршественном зале. За одним столом. Ярл не был моим другом, но симпатизировал мне.

Не в тот вечер.

Резиденцию выстроили на холме в центре города – так, чтобы она высилась над всеми постройками. Ну, может, за исключением воздушной пристани. Холм окружала высокая каменная стена. Наша процессия пересекла Мост Первого Вдоха, соединяющий резиденцию с городом, и оказалась в обширном внутреннем дворе. Где-то внизу шумела вода горной реки, впадающей в могучий Твельд. Передо мной громоздились пять этажей главного здания, барельефом выступающего из отвесной скалы. Справа и слева тёмно-синее небо вспарывали остроконечные башни, занятые городской стражей и личной охраной ярла. Уступы и парапеты резиденции выглядели зловеще.

Меня подвели к ступеням парадного входа.

Врата с утробным металлическим гулом разомкнулись.

На ступени вышел Ким. Неверный свет фонарей исчертил его морщинистое лицо тенями. Краем глаза я заметил лучников – на стене, в нижних бойницах башен и на третьем этаже.

Меня боялись.

И подтягивали к месту судилища дополнительные силы. В том, что это было судилище, я уже не сомневался. А укрепил меня в этом незнакомец в дождевике, маячивший за спиной ярла. Он одевался в точности, как те ребята, что пали от моих клинков в «Таране».

Ким приблизился вплотную ко мне.

Глиссад предупреждающе поднял руку.

– Я бы не стал этого делать, ваша светлость. Он – мастер.

Ярл проигнорировал эту реплику.

– Ольгерд, – вкрадчиво начал он. – Я доверяю тебе. Ты знаешь.

– Да, ваша светлость, – я склонил голову.

– Брось. У нас возникли определённые... проблемы. Ты убил людей. И это – не моя воля. Тебе не поручали этого.

– Нет.

– Так в чём дело, Ольгерд?

Ветер швырнул мне в лицо пригоршню дождя. И пригоршню грядущей неизбежности.

– В Завее.

Я вкратце поведал о загадочной женщине и её спутниках. Всё это время человек в дождевике слушал и не вмешивался.

Ким вздохнул.

– Сколько видел зим, а всё не могу взять в толк: почему представители вашей гильдии слепо подчиняются этой фразе?

– Нам нельзя иначе.

– Почему?

Я пожал плечами.

– Так заведено.

Вперёд выступил человек в дождевике.

– Он прав, ярл, – голос незнакомца был тусклым, ничего не выражающим. – Преступники использовали древнюю формулу, которой подчиняются все мастера его гильдии.

Ким слегка повернул голову.

– И что нам теперь делать? Он напал на служителей короля. По закону я должен его казнить.

Человек в дождевике пожал плечами.

– Тогда, – последовали слова. – Его гильдия перестанет сотрудничать с Ламморой. К тому же, мастера ножей нельзя казнить. Таков обычай.

Ким хмыкнул.

– Тогда король казнит меня.

– Нет. Не казнит. Позвольте напомнить вам закон. В случае, если мастер Гильдии Ножей делает что-то недозволенное, его ссылают. От его услуг отказываются, он перестаёт быть тем, кто есть. Ольгерд должен покинуть Ламмору. Через семь лет вы получите нового мастера.

Ким поморщился.

И перевёл взгляд на меня.

– Прощай, Ольгерд. Ты служил городу верой и правдой. Но все люди совершают ошибки. Ты стал заложником своих рун и формул.

Таковыми были его последние слова.

Женщина, которую я защитил, оказалась разыскиваемой преступницей из другого мира. Она явилась через Дверь, расположенную где-то в Небесах. И она, как мне сказали позже, украла нечто важное в своём мире и попыталась протащить это к нам. Даже дети знают, что подобное запрещено. А я вмешался. И должен понести наказание.

У меня забрали дом. Банк Ламморы заморозил мой счёт. И в ту же ночь меня посадили в экипаж, следующий в одно из окраинных селений. В трёхстах стадиях от Ламморы. Ким сохранил наши жизни, но мою судьбу он изменил навсегда.

Я помню те минуты, когда собирал вещи. Мне позволили взять мои клинки, инструменты и одежду. Затем я направился в подвал. Туда, где жил Рык. Всё это время за мной неотступно следовал капитан Глиссад. Я подошёл к массивной тисовой двери, обитой броневыми пластинами, и взялся за засов.

– Ты собираешься выпустить *его*? – в голосе Глиссада панический ужас.

Я помедлил с ответом.

– Взять с собой.

– Нельзя.

Я резко развернулся.

– Это ещё почему?

– Ты больше не мастер. Тебе не положен рлок.

Я смерил капитана стражи насмешливым взглядом.

– Правда? Может быть, ты его заберёшь, Глисс? Поселишь рядом со своими детьми? Или отпустишь бродить по городу?

Глиссад открыл рот, чтобы возразить. А потом до него дошло значение только что сказанных мной слов. Я с удовольствием наблюдал за спектром чувств, сменявших одно другое на его лице. Недоумение, страх, паника, злость.

Наконец он сдался.

– Хорошо. Я подожду наверху.

Он с видимым удовольствием покинул подвал.

Я сдвинул засов и распахнул дверь. На меня пахнуло тьмой, холодом, псиной и сырым мясом.

Посылаю мысленный сигнал. Хозяин пришёл.

Из глубины комнаты донеслось утробное урчанье. Затем – клцанье когтей по каменному полу. В коридор выдвинулась морда – оскаленная лохматая морда твари, которой пугают детей перед сном. Пасть, усеянная рядами острых клыков, длиной не уступающих моим ножам. Льдисто-голубые глаза с вертикальными зрачками. Белая как снег шерсть. Мощная грудь и лапы.

Встречная волна тепла.

Ментальная волна.

Передо мной стояло самое опасное существо континента. Полярный рлок. Гибрид, выведенный и прирученный древними охотниками Гипербора и взятый на вооружение Гильдией Ножей. Хищник, созданный для охоты на других хищников. Вершина сухопутной пищевой цепочки. Рлоков в этом мире немного, они хорошо убивают, но плохо размножаются в естественных условиях. А ещё они обладают некоторыми *психическими* способностями. Растут вместе со своим хозяином, привязываясь к нему плотно и навсегда. Могут прожить не одну сотню лет – само совершенство. Вот только, если хозяин умирает – умирает и его рлок. Медленно чахнет. Не пьёт и не ест. Пока не издохнет. Такова природа этих чудовищ.

Я дал ему имя.

Рык.

И эта кличка полностью соответствует монстру, способную объединить звук и кинетическую ярость в одно целое – чтобы снести любую преграду на пути. Кому, как не мне, знать, что стальной дверью его не остановишь.

Мой единственный друг в Ламморе.

Так получилось.

Друг детства. Друг навсегда.

В холке рлок был мне почти по грудь. Ему было жарко во всех городах ниже полярного круга, поэтому я селю его в подвалах. Эти создания неприхотливы. Когда не спят или не едят – их разум витает в окружающих пространствах. Рыщет в поисках жертвы.

Горе тому, кого рлок выберет целью.

Или выберет его хозяин.

Я почесал тварь за ухом. И был награжден мысленным прикосновением.

– Пойдём, Рык. Мы уезжаем.

Глиссад вжался в стену, когда мы проходили мимо. Рык попробовал на вкус липкий страх, стекающий с капитана стражи, и поделился его частью со мной. Глиссад был хорошим солдатом. Закалённым в боях и не из робкого десятка. Просто у него в детстве была няня. И выюжными вечерами она рассказывала ему жуткие сказки про рлоков.

А в моём детстве вместо няни был рлок.

Нас не провожали. Всем было ясно, что я не вернусь.

Ламморская ночь отшатнулась, и меня окружил жаркий день Мглистого Брода – моего последнего пристанища. Я заметил, что стою на террасе, держась за ограждение и уставившись в зелень сада.

Воспоминания схлынули.

Иду к колодцу. Налегаю на ворот, вытаскиваю ведро с водой. Жадно пью. Мою руки, лицо, шею.

И понимаю, что не один.

На террасе – седой мужчина лет пятидесяти. В поношенной дорожной одежде и островерхой шапке. Стоит вполоборота, я вижу заплечный мешок. Опирается на посох. Правда, посох не похож на те, что используют волшебники. Скорее, шест. Длинный, прямой. Без набалдашников, амулетов и прочей чепухи.

Я заглянул в его серые глаза.

И прочёл путь.

Глава 3. Коэн из Предельных Чертогов, странствующий посредник

У меня нет оружия.

Если он нападёт – я не готов. Это первая мысль. И вдогонку – вторая. Хотел бы убить – убил. В спину, пока я тащил ведро. Но явился путник не за тем. Издалека примчался к изгнаннику, у которого нечего взять.

Мы изучали друг друга.

Целую вечность.

Затем он снял шапку в приветствии.

– Мир тебе, Ольгерд.

– И тебе мир, путник. Кем бы ты ни был.

Солнце достигло зенита. Близилось время обеда.

– Пригласишь в дом?

– Разумеется, – я изобразил радушную улыбку. – После того, как ты назовёшь своё имя, гость.

Он понимающе кивнул.

– Коэн. Зови меня так.

В голосе – лёгкая тень иронии. Вряд ли имя настоящее. А если даже и так – всё равно оно ничего мне не даст. Я ведь обычный фермер, и за событиями Тверди не слежу. Всё, что меня интересует – урожай картофеля и баклажанов.

Принимаю правила игры.

– Ты у меня в гостях, Коэн. Располагайся.

Я усадил его в плетёное кресло на террасе и принёс из погреба кувшин холодного пива. Затем отправился на кухню, извинившись за отсутствие слуг. Развёл огонь в очаге. Разогрел рагу с мясом и фасолью, нашинковал овощей в салат, разложил всё по тарелкам и вместе с пшеничными лепёшками поместил на медный поднос.

Коэн встретил меня дежурными хвалебными фразами о радушии здешних фермеров. Мы выгрузили всё на низкий дубовый столик и принялись за еду. Коэн, казалось, уплетал всё с не меньшим аппетитом, чем я. Вот только мысли его блуждали далеко. Он готовился к серьёзному разговору. Я ждал. Наконец, разлив остатки пива по кружкам, я откинулся в кресле. Внезапный гость последовал моему примеру.

– Благодатный край, – Коэн огладил свою чёрную с проседью бороду, заплетенную в две косы. – И люди хорошие. Умельцы.

Говоря это, Коэн смотрел как бы сквозь меня.

– В корчме болтают, будто здесь поселился мастер ножей.

Вот ты кто. Любитель дорогих рунических клинков. Так бы сразу... Но за работу мне браться нынче не с руки. Подумав, я решил спровадить пришельца восвояси.

– Всякое болтают, Коэн.

Он отхлебнул пива.

– Верно.

– У нас есть кузнец, – заметил я. – Если тебя интересуют клинки, он выкует всё, что захочешь.

– Славный малый, – улыбнулся Коэн. – Но это не совсем то, что я ищу.

Настырный.

– Чего же ты ищешь?

– Кого, – поправил странник. И многозначительно посмотрел на меня. – Я ищу Ольгерда, мастера ножей из Ламморы.

Всё. Маски сняты.

И во мне вскипает ярость.

– Здесь, – процедил я, – таких нет.

В его взгляде была насмешка.

– А кто есть?

– Фермер Ольгерд.

Коэн хмыкнул.

– Вот как. Но ведь прежде ты был мастером.

– Прежде.

Коэн резко выпрямился. Всё в нём неуловимо переменялось. Маску добродушия сорвали чьи-то невидимые пальцы. Черты лица исказились. Теперь он смахивал на разбойника с большой дороги. И этот разбойник собирался атаковать. Его посох взметнулся над головой и описал размашистую девятку.

Путник не оставлял мне выбора.

Я встал с кресла. И отскочил, разрывая дистанцию. Распростёр руки – и ножи, скрытые в чехлах за потолочными балками, скользнули в них. Привычный холод рукоятей, ещё не нагретых боем.

Мой противник выбросил вперёд левую руку, посылая огненное заклинание. Три косых взмаха – отбиваю пламя простейшей защитной руной. Шар меняет траекторию, уносится в сад и озаряет его яркой вспышкой.

И вновь всё изменилось.

Посох перестал быть оружием. Странник перестал быть разбойником. Он стоял передо мной и довольно ухмылялся.

Я понял, что меня разыграли.

– Прежде, – повторил он. – Никаких «прежде». Ты всегда будешь мастером. В Ламморе или другом городе. Не важно.

Отправляю ножи к балочным чехлам. Не сговариваясь, мы оба возвращаемся к столу и занимаем свои места.

– Если ты знаешь, кто я, – долгий глоток из кружки, – то знаешь мою историю. То, как меня изгнали.

Он кивнул.

– Знаю. И то, что вы в гильдии полагаете, будто намертво привязаны к городу, в который вас послали служить, и к его Храму, тоже знаю. Но вот скажи мне: ты не задумывался, почему тебя изгнали из Ламморы, но при этом не исключили из гильдии?

Я уставился на гостя.

А ведь верно. Никаких вестей из Трордора о том, что я больше не член Гильдии Ножей. Гробовое молчание.

– Нет города, нет Храма – и ваши навыки пропадают, а руны слабеют. Так вы думаете.

– Так было всегда, – сказал я.

И осёкся.

Коэн понял всё по моему выражению лица.

– Ты видел всё сам. Твои навыки никуда не пропали. А значит, тот, кто тебя учил, изволил солгать.

Я сжал зубы.

– Осторожнее, путник. Мы говорим о высших наставниках Трордора.

Коэн поставил кружку и придвинулся ближе к столу.

– А наставник рассказывал тебе, зачем нужно стеречь Храм? И почему Храмы стоят в каждом городе?

Я напряг память.

Бесполезно.

– Когда-нибудь, – голос Коэна понизился. – Ты узнаешь об этом. С моей помощью.

– Но не сейчас, – хмыкнул я.

Он улыбнулся.

– Не сейчас. Для этого придётся пройти долгий путь. Я предлагаю тебе пройти его со мной, Ольгерд из Ламмори. Разумеется, за достойную плату.

– Стать наёмником, – уточнил я.

– Да. Ты будешь охранять меня в бесчисленных странствиях.

Качаю головой.

– Мы – не наёмники.

– Уже «мы», – ситуация, казалось, забавляла путника, – шаг вперёд, поздравляю.

– Хватит ёрничать. У нас есть обязательства.

Коэн выпрямился. Опёрся на посох.

– Не спеши с ответом. Ты теперь никому не служишь. И смысла в твоей жизни не больше, чем в баклажанах на твоих грядках. Вместо этого ты обретёшь стабильный доход, вернёшься к привычному занятию, повидеешь свет. И, вероятно, получишь ответы на некоторые вопросы. Те, что мучают твой ум годами.

Он двинулся к ступенькам. Поравнявшись со мной, добавил:

– Если изменишь решение – я жду тебя на постоялом дворе. До утра. Завтра я намерен покинуть ваше селение.

С этими словами путник ушёл.

А я остался. Наедине с полуденным солнцем, лениво скатывающимся в закат, и своими невесёлыми мыслями. Спустя час, сбросив оцепенение, я направился в дом. В холле, у северной стены, нагнулся, схватил тяжёлое бронзовое кольцо и откинул крышку погреба. В лицо пахнуло морозной заполярной ночью. Сняв с крюка медвежью шубу с капюшоном и облачившись в неё, я осторожно начал спуск. Из моих ноздрей и рта вырывался пар. Лёгкие негодовали. Ноги, предусмотрительно обутые в меховые унты, с хрустом топтали снег, который покрывал каменные ступени лестницы. Примерно на середине пути я задержался, чтобы достать из потаённой ниши факел и, чиркнув огнём, зажечь его. Языки пламени очертили контуры коридора, заплясали тенями на неровных гранитных стенах.

В моём подвале спряталась зима.

Не настоящая, конечно. Её мне организовал проезжий маг, подчинивший себе стихии воздуха и воды. Этот погодный фокус обошёлся мне в кругленькую сумму. Зато Рык жил в комфорте. Изредка, по ночам, я выпускал его поохотиться. Не на людей, разумеется. Чаще его беспокойный разум рыскал в окрестных лесах и заглядывал в соседские дома. Но никого не трогал. Ибо таков мой приказ.

Сейчас я собирался его покормить.

Ведро с мясом, утопая в сугробе, покоилось справа от бронированной двери. Тут же, на деревянных полках, до самого потолка громоздились разделанные туши диких косуль, кабанов и прочей живности.

Рык не питался овощами.

Мясо – вот всё, что его интересовало.

Сдвигаю засов и толкаю дверь. Поддаётся с трудом – за сутки ее основательно завалило снегом. И откуда он только берётся?

Вхожу.

Просторная комната, намети сугробов. Вместо каменного потолка над головой – острые шипы северных звёзд. И резко очерченные полумесяцы лун. Куда ни глянь – одно и то же. Бесконечная тундра. Очертания стен и углов почти незаметны. Отменно поработал маг, что и говорить. Цену заломил знатную, но то, что меня окружает, выше всяких похвал.

Рык подбегает ко мне.

Обмениваемся мысленным приветствием.

Нет, его не обмануть иллюзиями. Он понимает, где находится, но благодарен мне за осколки родного края.

И за мясо.

Смотрю, как рлок ест, вгрызаясь в мёрзлую плоть. Процесс не затянулся – ведро опустело в два присеста.

Посылаю ему образ Коэна. И картины длинного неведомого пути. Ты скоро покинешь уютный подвал, друг. Утро может застичь нас там, где жарко.

Рлок оскалился.

Какая разница, друг. Там свобода. Там леса и просторы. Там мои жертвы. Отбрось колебания. Ты знаешь, мой разум давно уже там. А когти и клыки отстают.

Мы решаем.

Я поворачиваюсь к Рыку спиной и бреду прочь. Цепочка следов на снегу ведёт к горизонту, в который врезан прямоугольник двери. Над звёздами и лунами распластывает крылья северное сияние.

Меня провожают глаза зверя.

Дверь выглядит совершенно инородно в подвальном пейзаже. В моей правой руке факел. В левой – пустое ведро.

Снаружи сумерки.

Остаток вечера я провожу с кувшином пива и воспоминаниями. Небо окрашивается оттенками красного. Мне не даёт покоя одна мысль: кто этот путник? Не разыскивают ли его королевские тайные службы? Всё это время я жил с надеждой, что меня простят и вернут в Ламмору. Или магистр пришлёт из Трордора новое назначение. Но годы шли, и надежда таяла. Ни вестовых, ни почтовых голубей. Про меня забыли.

Ты никому не нужен, кроме этого путника.

Отбросив сомнения, я пошёл спать. Долго ворочался с боку на бок. Окно следило за мной суженными зрачками двух видимых лун. Уснул я далеко за полночь.

С первыми проблесками зари я был на ногах.

Упаковал в большой заплечный рюкзак бельё, инструменты и запасной набор ножей. Подумав, уложил туда комплект тёплой одежды. Второй тюк забил солониной, копчёной колбасой, сухими лепёшками, крупами, солью и специями. Взял огниво и маленький топорик для рубки дров. Примотал к рюкзаку походный котелок и мех с колодезной водой.

Теперь предстояло одеться.

Широкие штаны, холщовая рубаха. Лёгкие сапоги. Кистевые щитки, один из которых раскладывается в баклер – подарок трордорских умельцев. Кожаный нагрудник с нашитыми чехлами – для метательных ножей с простым металлическим обухом. Кривой керамбит с кольцом-шипом и двусторонней заточкой – в поясные ножны за спиной. Нож-кастет – на голень. Неразлучную пару дуэльных клинков – на бедра. Завершающий штрих – грязно-серый неприметный плащ, скрывающий всё моё снаряжение.

Осматриваю себя в зеркало.

Среднего роста человек, худой, с короткой стрижкой. Никакой зримой угрозы. Впечатление серьёзного бойца я не произвожу. Так и надо.

Выхожу за ворота.

Дом мирно отдыхает в рассветной полумгле. Надо бы попросить Валдиса присмотреть за ним. Но тогда придётся рассказать ему, что я уезжаю. И он догадается – с кем. Что для моего нанимателя нежелательно.

Экипаж, запряжённый четверкой лошадей, подан к самым дверям постоялого двора. Возница дремлет на передке – здоровяк с двуручным мечом за спиной.

Коэн ждёт, прислонившись к столбу навеса.

– Я не сомневался в тебе, парень.

Рукопожатие.

– Мы отправляемся сейчас? – я критически осматриваю экипаж. Двухэтажный, с лесенкой, ведущей на крышу.

– Да. Смотрю, ты без поклажи.

– Верно. Надо заехать ко мне. Видишь ли... я не совсем один.

Коэн хлопнул меня по плечу.

– Твой лохматый друг.

Пора прекратить чему-либо удивляться. Мой работодатель, кажется, знает всё.

– И без него, – продолжал Коэн, – ты никуда не поедешь. Вы вместе росли и всё такое.

Мне оставалось лишь кивнуть.

– Что ж. Лютый зверюга всегда пригодится в пути. Садись.

Он любезно распахнул передо мной дверцу.

Внутри экипаж оказался *значительно* просторнее, чем казался на первый взгляд. Тут явно не обошлось без магии, раздвигающей пространство. Очень сложной магии, с которой мне не доводилось раньше сталкиваться. Мы оказались в роскошном кабинете, освещённом лампами с *жидким пламенем*, с широким кожаным диваном, парой кресел, шкафом и письменным столом. На передней стене висела подробная карта континента.

– Располагайся.

Экипаж тронулся.

Мы разместились в креслах. За окнами проплывали пыльные улочки Мглистого Брода.

Коэн откашлялся.

– Прежде, чем ехать дальше, мы уладим мелкие формальности, – сказав это, он приблизился к письменному столу. Достал из ящика серый свиток с неизвестной мне гербовой печатью. – Это контракт. Внимательно прочитай. И подпиши, если со всем согласен.

Он протянул свиток.

Я взял документ и расправил на коленях. Вначале было скучно. Потом начались «ОБЯЗАННОСТИ СТОРОН». Я должен сопровождать работодателя в «любую точку пространства нашего и иных миров», защищать его от всех видов угроз «всеми доступными мне способами». Не сообщать третьим лицам о его планах, не сотрудничать с третьими лицами одновременно с выполнением основных обязанностей. Добросовестно выполнять приказы в случае, если они не противоречат моим моральным принципам и соображениям личной безопасности. Коэн, в свою очередь, обязуется своевременно выплачивать мне жалованье в размере ста крон в неделю, несёт расходы по питанию и проживанию на постоялых дворах, прислушивается к моему мнению в вопросах охраны. В разделе «ПИТОМЕЦ» оговаривалось, что принадлежащий мне рлок не имеет права есть случайных прохожих и деловых партнёров нанимателя, а также самого нанимателя и его слуг. Наниматель предоставляет питомцу «временную среду обитания». Контракт действителен до тех пор, пока одна из сторон не пожелает его расторгнуть. Ниже следовал перечень санкций, которые ко мне могут применить в случае грубого нарушения условий, изложенных в документе: от лишения премиальных до умерщвления жуткими методами. В конце значилось: «Коэн из Предельных Чертогов, странствующий посредник». И стояла размашистая подпись.

– Справедливо. – Я шагнул к столу. Взял перо, обмакнул в чернильницу и подписал контракт.

Коэн забрал свиток. Свернул, перевязал серебряным шнуром и убрал в один из выдвижных ящиков.

Экипаж остановился напротив моего дома.

– Времени мало, – сказал странствующий посредник. И тронул скрытый рычаг под столом. В полу кабинета образовался чёрный провал. Потянуло холодом. – Апартаменты для твоего четвероногого товарища.

Основательная подготовка.

Не знаю, кто передо мной. И чем мне грозит неожиданное сотрудничество. Но этот человек вызывал невольное восхищение.

Я покинул экипаж.

Чтобы вывести Рыка из подвала и забрать тюки.

И в последний раз взглянуть на свой фермерский домик, сад и скрипящий на крыше флюгер.

Глава 4. Крумск

Едва Мглистый Брод скрылся из виду, Коэн скинул сапоги и завалился на диван. пейзаж за окном страдал провинциальным однообразием – бескрайние возделанные поля, зубчатая кромка леса на горизонте и ясное безоблачное небо. Кони мчались по запущенному Эрнскому тракту, ведущему в Озерный Край, однако пыль в экипаж не проникала, и тряска не беспокоила нас. Рык спал на нижнем ярусе, под полом нашего кабинета – там было ещё просторнее, чем в моём подвале. Без излишеств, наподобие искусственной зимы, зато довольно прохладно.

– Как ты это делаешь? – вырвалось у меня.

Коэн недоумённо уставился в мою сторону.

– Что именно?

– Изменяешь мир внутри кареты.

Он хмыкнул.

– Тем, кто хорошо знаком с пятым измерением, ничего не стоит раздвинуть помещение до желательных пределов.

– Пятое измерение?

– Лучше не спрашивай.

И я последовал его совету. Он ведь не интересуется, как я кую ножи или работаю с рунами. Хотя, возможно, всё знает об этом.

Некоторое время мы ехали молча. Потом Коэн уснул.

Я выбрался на крышу через потолочный люк, поднявшись по скобам, вбитым в стену. Угрюмый возница искоса взглянул на меня, но не проронил ни слова. Я сел чуть поодаль, поджав ноги и держась за ограждение. Крыша была тёплой.

Между тем тракт обступила густая чаща. Редкие просветы сменились шевелящейся на ветру сплошной буро-зелёной массой.

Мы ехали в Озёрный Край. Что там могло понадобиться моему нанимателю? Места зловещие и странные, лежащие у западных границ королевства. Торговцы и путешественники подолгу не задерживаются в тамошних селениях и городах. Земля слухами полнится, и не все эти слухи добры. Дикие охоты, заброшенные замки и урочища с просыпающейся время от времени тьмой. Исчезающие торговые караваны да перевертни, живущие рядом с людьми, а порой и заключающие с ними браки. Древний Орден Изменчивых. Массовые жертвоприношения. Капища на берегах рек. Огненные обряды. Ворожеи, славящиеся своими приворотными зельями. Что в этих слухах правда, а что ложь – одна Завея разберёт. Но я бы предпочёл объехать те земли стороной. Решаю, однако, не я.

Над нами пролетел ворон. Опустился на ветку сосны. Слегка наклонил голову и внимательно посмотрел на экипаж. От взгляда этой птицы у меня мурашки побежали по коже. Словно и не птица это вовсе. Словно кто-то другой смотрит на меня чёрными бусинками глаз.

– Как тебя зовут? – спросил я возницу. Хотелось отвлечься от дурных мыслей разговором.

Собеседник ответил не сразу.

– Грорг.

Глухой бас. Грорг со спины производил впечатление горы мышц, сталкиваться с ней в бою не хотелось. Ростом он был на две головы выше меня. Да и меч был ему под стать – двуручная махина с широченным лезвием и рукоятью с мой локоть. Если вытянуть пальцы. Под плащом угадывались контуры наплечников, а когда задирался рукав, я мог видеть краешек кольчуги. Грорг был усат и бородат. Таких парней можно встретить на Белом Взбережье, там, где ночь тянется полгода, и даже летом порой лежит снег. Встречаются такие парни и на быстродных дракхах, чьи борта украшены разноцветными щитами. Банды варваров, волной обру-

шивающихся на портовые города, предающие материковые селения огню и мечу. Грабители, насильники и прирождённые убийцы.

Правда, те ребята предпочитают секиры.

– Ольгерд, – представился я. – Откуда ты?

Возница цокнул языком и подстегнул лошадей.

– Остров Родерерк. Ты не знаешь.

Я хмыкнул.

– Отчего же. Знаю. Там всё еще правит Хлодрик?

– Хлодрик погиб в Лесистых Фьордах. Власть у Норума Кривого, его брата.

Я вздохнул.

– Жаль. Он был другом нашей гильдии.

– Всем жаль, – Голос Грорга помрачнел. – Норума боги не наделили ни мудростью, ни силой. Зато мерзостью наполнили его палаты.

Здоровяк сплюнул.

До меня вдруг дошло, почему он подался в услужение к Коэну. Мой наниматель выискивал по всему миру изгнанников. Тех, кто не угодил своему властителю. Кого не держали обязательства, дом и семья. Однажды за кружкой эля я выслушаю его историю.

– Куда мы держим путь?

– Крумск.

– Ты слышал о нём?

– Слышал.

– И что думаешь?

– Мне платят не за то, чтобы думать.

Понятное дело, не за то. И не за то, чтобы править повозками. Скорее за то, чтобы кроить черепа и рассекать напополам людей. Или нелюдей. Кто подвернётся.

Мы скакали весь день и всю ночь, поочередно сменяя с Гроргом друг друга на передке. А затем – ещё трое суток. Дважды останавливались в захудалых корчмах, чтобы дать отдохнуть лошадям, перекусить и справить нужду. Ели молча. Охотники и прочие лихие людишки косились на нас, но зацепить не отваживались. Думаю, благодаря свирепому виду северянина. Рыка я кормил сырым мясом, купленным тут же, у корчмаря. Взять в толк, почему я не хочу его прожарить и полить соусом, он не мог. Но продавал.

В Крумск мы въехали утром пятого дня.

Тракт обрёл ухоженный вид, вымостился камнем и обзавёлся верстовыми столбами с указателями. Именно верстовыми. Так здесь, в приграничье, меряли расстояния.

Город был обнесён крепостной стеной. И вовсе не деревянной, как утверждали злые языки. По всему периметру через равные промежутки высились квадратные в сечении сторожевые башни.

Ворота были открыты.

Ветер гонял пыль по мостовым. По извилистым улочкам слонялись полусонные дружинники князя Ратимира, торговцы, служанки и усталые гуляки. Всё, как в обычном городе. Дома каменные и деревянные вперемешку, с островерхими двускатными крышами и кирпичными печными трубами. В центре, рядом с замковой горой, высилась воздушная пристань. Интересно, почему странствующий посредник не пользуется браннерами? Куда безопаснее, чем наземные тракты. И куда быстрее.

Должен признать, никакой жути в Крумске я не заметил. То ли врут байки, то ли сказывают про удалённые озёрные городки.

На постоялом дворе «Дымный горшок» было людно. Стойла и конюшни забиты почти до отказа. Из-за повозок и экипажей не протолкнуться. Однако, стоило Коэну открыть кошель, ситуация коренным образом переменялась. Крестьянина, торгующего мёдом, взашей вытол-

кали прочь, и велели искать иное место для постоя. Моментально освободилась парочка смежных комнат на втором этаже. В очередной раз я убедился, что звонкие монеты по силе воздействия ничем не уступают магии. Владелец «Горшка» всячески старался нам услужить и даже предоставил Коэну мальчишку-посыльного для особых поручений.

– Послушай-ка, любезный, – обратился к трактирщику Коэн. Мы поднимались по узкой лестнице наверх. – У вас ведь в городе есть мастер ножей?

– А как же, – обиделся тот. – Чем мы остальных-то хуже?

– Значит, – Коэн понизил голос, – вы знакомы с рлоками.

Трактирщик вздрогнул. Выглядело это комично при его комплекции. Трясущийся мешок с жиром.

– Доводилось видеть, – залепетал наш хозяин. – Жуткая тварь. Рыщет ночью по улицам, честных граждан пугает. Но вы не волнуйтесь. Витеслав редко его выгуливает. И не в нашем районе.

– А чего бояться, – сказал я. – У нас свой есть.

Мы стояли на площадке второго этажа. Трактирщик переводил затравленный взгляд с меня на Коэна. Снизу раздавалась увесистая поступь отставшего Грорга.

– Но, – Коэн вложил в потную ладонь хозяина горсть золотых монет, – ты его *почти* не будешь видеть. А если и увидишь – тотчас забудешь.

Толстяк часто закивал.

– Конечно... Непременно... Как вам будет угодно...

– Чудесно, – оборвал его излишняя Коэн. – Веди нас в покои.

«Покои» не страдали избытком роскоши, но нам этого и не требовалось. Не тесно, три кровати, ниша с рукомойником, грубый шкаф и комод, крепкий стол, добротные стулья с деревянными спинками. Скрипучие половицы. Я выглянул в окно: балкон, кадка с чахлым растением и лестница чёрного хода. Отлично. Вот как мы протащим сюда рлока.

Едва за гостеприимным хозяином захлопнулась дверь, и мы остались втроем, Коэн заговорил, обращаясь ко мне:

– Я рассчитываю на твоего зверя, Ольгерд.

Я ждал.

– Понимаешь, – продолжил мой наниматель, – мы здесь можем задержаться на несколько дней. Мне нужны кое-какие сведения. И, знаешь ли, нами кое-кто интересуется. Если интерес приобретёт нездоровый характер... я возлагаю надежду на твои ножи, меч Грорга и клыки...

– Рыка, – подсказал я. – Так его зовут.

– Да. Рыка.

Он шагнул к двери.

– Ты куда? – спрашиваю.

Коэн оборачивается.

– У меня дела. В городе.

Я качаю головой.

– Так не годится. Я отвечаю за твою жизнь. Значит, обязан сопровождать.

– Это нежелательно. Ты услышишь вещи, которые лучше не слышать.

– Мне плевать. Ты платишь мне за защиту. Я не люблю получать деньги задарма.

Секунду Коэн колебался.

Потом смирился.

– Ладно. Грорг займётся нашим багажом. Иди за мной.

Мы вдвоём покинули комнату. Спустились по лестнице на первый этаж, пересекли обширный холл с очагом в центре, дым от которого тянулся к отверстию в крыше. В дальнем углу холла размещалась стойка, где жена трактирщика разливала эль и раскладывала еду по

тарелкам. Нескладные и некрасивые служанки сновали меж столов, доставляя всё это посто-
яльцам. Кто-то играл на флейте. Мелодия сопровождала нас до самой двери.

– Как тебе Крумск? – спросил Коэн.

Я пожал плечами.

– Много слышал о нём.

Выйдя с постоянного двора, мы сразу свернули в одну из боковых улочек. Очень узкую, двоим не разойтись. Окна – на уровне второго этажа. Балконы почти смыкались над головами, кое-где между ними протянулись бельевые верёвки, на которых сохла выстиранная одежда.

– Да, сказки об Озёрщине. – Коэн уверенно ориентировался в каменном лабиринте. – Оборотни, ворожеи и прочее. Сам что думаешь?

– Нет дыма без огня.

Посредник расхохотался. За нашими спинами добрая женщина выплеснула в проулок помой.

– Правильно. Весь фокус в том, что Крумск – это ещё не Озёрщина. Последний оплот цивилизации, чей князь – вассал вашего короля. Как и ярл Ламморы. Которому подчиняется бургомистр.

– И что?

– А то. Мощёные дороги, каменные дома, воздушная пристань. Постоялые дворы, банки и ростовщики. Лавки, Храм, представительства гильдий. Все прелести привычного мира. Они закончатся, когда мы въедем в заповедные пущи на западе.

– Это случится?

– Да. Скоро.

Мы выбрались на рыночную площадь и теперь проталкивались сквозь толпу галдящих покупателей. Мимо лотков с едой, дешёвыми тряпками, пряностями, дублёнными шкурами и мехом, воском и свечами, плетёными корзинами и сумками, скобяными изделиями и оружием, глиняной и керамической посудой – к улице, ведущей в сторону замка. Я внимательно посматривал по сторонам – в таких местах водятся уличные воришки.

Наконец, мы пересекли площадь и вновь углубились в городские ущелья. Правда, теперь они были шире и выглядели приличнее. Один раз мне почудилась крылатая тень, но, подняв голову, я увидел лишь полоску неба, сжатого балконами и черепичными крышами.

– Мы идём к князю? – не выдержал я.

– Слишком много вопросов для телохранителя.

– Ты обещал на них отвечать.

За следующим поворотом нас ожидала широкая улица, опоясывающая замковую гору. Справа и слева теперь вздымались дома знатных горожан – с роскошными фасадами, широкими окнами и террасами, увитыми плющом, мраморными балюстрадами и аккуратными жестяными водостоками. Солнце скрылось за шпилем воздушной пристани, к которой сейчас причаливал браннер. Мы попали в престижный район Крумска.

– Да. У меня дела с Ратимиром. Я ведь посредник, не забыл?

Больше я вопросов не задавал.

Мы свернули в переулок, поднялись по гранитным ступеням с пробивающейся кое-где травой и оказались на дорожке, проложенной вдоль замковой стены. Отсюда открывался шикарный вид на море красных и оранжевых крыш, проплешины площадей и росчерки улиц.

Дорожка привела нас к воротам замка.

Крепкие стражи из личной дружины Ратимира преградили нам путь, скрестив копья. Их кольчуги слепили глаза на солнце. Оба воина были бородаты, длинные русые волосы перехвачены кожаными шнурками.

– У меня княжеский знак, – сказал Коэн.

– Покажи, – буркнул тот, что справа.

Коэн снял с шеи амулет – выпуклый диск с гербом «Погоня» и непонятной надписью на озёрном наречии. Родовой символ Ратимира. Страж протянул руку, но посредник тотчас спрятал знак в ладони.

– Пропусти нас.

– Его тоже? – мужик кивнул на меня.

– Привилегия распространяется на всякого, кто под моей опекой.

Копья раздвинулись.

Мы пересекли широкий двор и взошли по ступеням. У массивной дубовой двери с металлической оковкой и ручкой-кольцом нас опять задержали. Знак не подвёл и на сей раз. Мы попали в длинный коридор, освещённый факелами. Всё это не увязывалось в моей голове. Озёрные князья жили в деревянных детинцах, а здесь... Крумск ничем не уступал Танневергену, Ламморе, Сиверусу и другим крупным городам королевства. Город выстроен на пересечении торговых путей и воздушных маршрутов, у его южных ворот несёт свои воды могучая Тичь. А в замковый комплекс вросла башня волшебников, что говорит о богатстве князя и его связях с Гильдией Магов. Удивительно, что крумские князья не сражались за политическое влияние и господство на западе...

В тронном зале тихо.

Высоко под сводами – люстры с сотнями свечей, сейчас, правда, не горевших. Дневной свет проникал сквозь стрельчатые окна, у которых несли вахту лучники. В противоположном конце зала стоял пустой трон, вырезанный из дерева и кости. Трон был пуст. Рядом с нами выросла закутанная в парчу сутулая фигура распорядителя.

– Светлый князь давно вас ждёт, – обратился он к Коэну. – Идёмте.

По винтовой лестнице мы поднялись на третий ярус замка, миновали ещё несколько длинных коридоров и оказались перед дверью библиотеки.

– Он там, – шепнул распорядитель. – Не утомляйте его излишними церемониями.

Коэн открыл дверь.

Мы вошли.

Комната с потолком, теряющимся высоко над головой. Стены закругляются. Значит, мы на верхнем уровне донжона. Стеллажи закручивались вместе с изгибом башни и возносились к своду. Книги. Массивные фолианты в коже, золотой и серебряной оковке, столько томов сразу мне ещё не доводилось видеть. А ещё – свитки, аккуратно помещённые в цилиндры и занимающие особый сектор. Ящички каталогов и картотек. В центре библиотеки – стол с расстеленной на нём рельефной картой, утыканной флажками. Ратимир стоял спиной к нам. Склонившись над картой.

– Ратимир, – позвал Коэн.

Да уж. Без церемоний...

Владыка Озёрного Края повернулся к гостям. Он был низкоросл, но широкоплеч. На груди – тот же герб, что и на диске Коэна. Поднявшийся на дыбы конь и воин на нём – со щитом и занесённым для удара мечом. Волосы Ратимира, тёмно-русые и волнистые, охватывал тонкий серебряный обруч. У пояса – короткий меч в простых, ничем не украшенных ножнах. На вид ему было около тридцати пяти.

– Рад тебя видеть, – князь приблизился к Коэну и крепко обнял его. – Добрался без приключений?

– Всё в порядке, – заверил его мой наниматель.

Ратимир перевёл взгляд на меня.

– Кто это с тобой?

– Ольгерд, – представил Коэн. Я слегка поклонился. – Мой телохранитель.

Князь оценивающе меня осмотрел. И вынес вердикт:

– Он выглядит, как мастер ножей.

– Он и есть мастер ножей.

Во взгляде Ратимира проснулся интерес.

– Из какого города?

– Ламмора, – сказал я.

– Почему же ты сопровождаешь моего друга, Ольгерд, а не стережешь Храм?

Я молчу.

– Его изгнали, – нарушил неловкую паузу Коэн. – Долгая история. Как-нибудь потом расскажу.

Ратимир покачал головой.

– Нет. Сам расскажет, если захочет. Ведь это его история, а не твоя.

Я ощутил благодарность. И впервые с момента нашей встречи проникся симпатией к властителю Крумска.

Глава 5. Разговор в библиотеке

Еду и напитки нам подали в библиотеку.

Разговор, судя по всему, был серьёзный. Мы расположились в креслах, а Ратимир позвал слугу и велел передать распорядителю, чтобы его никто не беспокоил в течение ближайших часов.

Полуденное солнце устало на нас через западное окно. Я уплетал колбаски с хреном и острыми приправами. Запивал квасом. Отменным квасом, доложу вам, ламморское пойло здесь и близко не ночевало. Печёный картофель тоже был хорош. Как и салат, впрочем.

– Итак, – начал Ратимир. – Ты передал на Облака моё послание?

Коэн загадочно улыбнулся.

– А как же.

Я приблизился к окну. Поставил кружку с квасом на подоконник. Прищурившись, всмотрелся в ярусы крыш, сверкающую в нескольких стадиях к югу ленту реки. Вроде, никакой опасности. И всё же – что-то не так.

– Они согласны?

– Сложный вопрос, – Коэн подбирал слова. – Как ты знаешь, на Облаках нет единства. Небесные государства ещё более разобщены, чем наши. Для принятия общего решения им нужно собраться вместе, а это почти нереально. Поэтому я могу гарантировать поддержку лишь некоторых *скитов*. Правда, достаточно влиятельных.

Скиты. Скитающиеся заоблачные острова. В большинстве случаев – управляемые. Созданные неведомыми предтечами. Тамошние правители именуют себя кормчими и крайне редко вступают в альянсы с королями Тверди. Войны с земными жителями они тоже не ведут. Зато охотно торгуют с Внемирьем. Значит, мой наниматель – посредник между Твердью и Облаками. Занятно.

– Продолжай, – сказал Ратимир.

– Скит Пяти Ветров, Радужный Мост, Вертерис, Атолл Миядзаки готовы вступить в союз. Сейчас решается вопрос о сборе Небесного Совета. Если кормчие достигнут согласия, война закончится, не успев начаться.

– Если, – подчеркнул Ратимир.

Коэн вздохнул.

– Не всё гладко.

– Что не так?

– Мы не единственные, кто ведёт переговоры с Облаками.

Повисла напряжённая тишина.

Я с интересом следил за их диалогом. Передо мной, похоже, разворачивалось действие, которое в обозримом будущем перекроит картину мира.

– Вармак? – предположил князь. – Хочет сразиться с Империей Трордора и Северным Альянсом за господство на континенте? Восстановить легендарную Державу Четырёх Сторон?

Коэн покачал головой.

– Не думаю. Вармака волнуют лишь пиры да охота. Королевством фактически управляет горстка министров. Их политика – не экспансия, а удержание некогда завоёванных земель и поддержание порядка на обширной территории. Танневерген больше тревожат набеги пиратов на прибрежные селения и горцы, спускающиеся с Курдского хребта, нежели Трордор и Альянс.

– Тогда кто? – в голосе Ратимира слышалось недоумение. – На континенте нет иных сил, способных претендовать на что-либо. Я не наивен, и понимаю, что Озёрщина ещё долго будет копить мощь, чтобы восстать. И нам понадобятся союзники. Придётся договариваться.

– Ты прав, – согласился Коэн. – Поддержка четырёх скиотов не решит исход битвы. И твой союз с горцами – тоже. Прав ты и в другом – на континенте нет силы, способной восстановить древнюю Державу. Однако есть нечто за пределами континента.

Ратимир отодвинул кубок.

– Архипелаги?

Коэн скривился.

– Ты говоришь о дикарях, разделённых на сотни и тысячи племён. Разумеется, их нельзя рассматривать в игре.

Ратимир нахмурился.

– Облака сами готовят вторжение?

– Им это не нужно. Жить *внизу* – эта мысль для них невыносима. Есть раса, обитающая столь далеко, что ты и представить себе не можешь. Ни один корабль Тверди не заплывал в те области. У нас не настолько развита навигация и морское дело. Чего не скажешь о *них*. Второй материк, князь. Он существует.

Ратимир отмахнулся.

– Чушь. Есть пираты и жители архипелагов. Они избороздили весь Океан. У нас есть браннеры. Учёные и картографы совершают дальние экспедиции в поисках новых земель. Тебе ли не знать, ты вхож в Академию Трордора.

– Не просто вхож, – поправил Коэн. – Я действительный член-корреспондент Географического Общества.

– О чём и речь.

– Но, – посредник пристально посмотрел в глаза князю. – Предположим, некий учёный снарядил браннер для дальнего путешествия. И случайно наткнулся на наших друзей. Что с ним произойдёт?

Ратимир промолчал.

– Разумеется, – продолжал Коэн. – Его уничтожат. Никаких шансов вернуться. Я кое-что знаю об их расе. Достаточно, чтобы бояться.

Я подошёл к столу и наполнил кубок квасом.

– Тебе-то чего бояться, – сказал Ратимир. – Ты посредник. Сегодня здесь, завтра там. Готов спорить, у тебя есть убежище *наверху*, где ты отсидишься, если орды второго материка хлынут на Твердь.

– Допустим, – согласился Коэн. – Но у меня тоже есть враги.

Князь выгнул бровь.

– Есть, – повторил Коэн. – И они серьёзнее, чем ты думаешь. Те, кто владеет древними знаниями. Во всяком случае, их частью. Те, что незримо стоят за спинами владык *вашего* мира. Те, с кем я очень хотел бы познакомиться. Кто выше твоего или, скажем, Ольгердова, понимания. И эти существа склоняются к тому, чтобы поддержать второй материк.

Вот теперь стало жутко.

Даже мне.

– Они называют себя Посторонними, – закончил Коэн.

– Тише, – Ратимир предупреждающе вскинул руку. – Их нельзя упоминать. Беду накличешь.

– Беда, – рассудительно заметил Коэн. – Уже на пороге.

Князь нахмурился.

Но спорить не стал.

Они ещё долго говорили о планах, о том, кого надо склонить на свою сторону, кого подкупить, кому пообещать земли в случае победы. Перемещали флажки на карте. Оценивали вражеские силы. Но думали не об этом. Я чуял, что неведомая угроза накрыла библиотеку вороновым крылом, и теперь не будет нам покоя. И ещё. Не отвоёвывать Озёрщину надо Ратимиру.

И не о переворотах помышлять. А смотреть дальше, сколачивать могучий альянс с владыками севера и юга, завязывать отношения с кочевыми племенами степей и пустынными жителями... Однако, солнце сползло к горизонту, и угроза, разлитая в воздухе, стала почти осязаемой. Я незаметно начертал на подоконнике руну обнаружения. Она вспыхнула ядовито-зелёным светом и рассыпалась в прах. За нами следили.

Я смахнул пепел.

– Проси, чего хочешь, – наконец вымолвил властитель.

– В этот раз я не возьму денег, – сказал Коэн. – Мне нужна помощь.

– Какая именно?

Посредник задумчиво огладил бороду.

– Я намерен попасть в некое место, пользующееся дурной славой. И мне, как ты догадываешься, требуется проводник. Также не повредит десяток воинов. Для сопровождения. Всякое ведь бывает в дороге.

Князь вертит в руке серебряную вилку.

– Что ты ищешь?

Взгляд Ратимира не предвещал ничего хорошего. Правда, Коэн его выдержал. И ответил:

– Пропавший Град.

Князь зло сплюнул.

– Опять ты за своё.

Коэн пожал плечами.

– Я никогда не отказывался от идеи его найти. Сейчас у меня есть карта. Но нет проводника, ведающего тайные тропы, возможные опасности и обходные пути. Град поможет мне кое в чём разобраться. Получить знания, которые, вероятно, пригодятся в будущей войне.

– Всё это дурно пахнет, – буркнул Ратимир. – Ты всегда делал странные вещи. Но служил верой и правдой моему отцу. Я помогу тебе.

Коэн склонил голову.

– Спасибо, князь.

Ратимир встал, давая понять, что аудиенция окончена.

– Где вы остановились?

– В «Дымном горшке».

– Та ещё дыра... Жди гонца. Как только я найду проводника и наберу добровольцев – ты выступишь.

Коэн слегка поклонился.

– Распорядитель проводит вас.

Они пожали друг другу руки.

– И вот ещё что, – Ратимир перешёл на шёпот. – Если твои теории верны – не высывайся из «Горшка». Будь осторожен.

Коэн кивнул.

– Постараюсь.

– Старайся лучше. Ты мне живым ещё понадобишься.

Глава 6. Предупреждение

В наше отсутствие Грорг перетащил весь багаж. Распряг коней и отвёл их в стойло. Велел местному кузнецу проверить подковы. В общем, золото, а не возничий. Всё, что нам оставалось – незаметно доставить Рыка в покои. Заниматься этим при свете дня было глупо. Так что мы, не сговариваясь, двинули на первый этаж – в уютную харчевню Тётушки Фло. Именно так величали супругу нашего хозяина завсегдатаи «Горшка». Время приятнее коротать за дружеской беседой, вкусной едой и добрым элем – так оно летит быстрее. Я заказал горячий бульон, а потом переключился на квас.

– Одумайся. – Коэн приложился к кружке с ледяным пивом. Кружка была глиняной с откидной крышечкой. Напиток пенился, как и всякое приличное пиво. – Тебе не помешает отдых.

– В другой раз, – отказался я.

А вот северный варвар не гнушался радостями жизни. Объёмы, поглощаемые им, вызывали приступы восхищения.

– Я видел птицу.

Коэн насторожился.

– Опиши её.

– Обычная ворона. Кружила над нами, пока мы ехали по тракту. А потом – в городе. Но я не уверен, что та же самая.

Посредник вдруг схватил меня за локоть.

– В следующий раз убей её. Понял?

Киваю.

Его хватка слабеет.

– Это *их* глаза и уши.

– Нас выследили?

– Похоже на то.

– Чем это грозит?

Коэн задумался.

– Много чем. Держи ухо востро.

Грорг громко отрыгнулся. Его тарелка была пуста. Коэн подозвал невзрачную девчущку, дал ей монету и велел принести ещё еды.

За окнами сгустились вечерние тени. Ветер усилился, вдалеке громыхнуло. Я набрал полную грудь воздуха. Свежего. Предгрозового.

Появился хозяин с мальчишкой-посыльным и начал зажигать свечи. В дверях возникли две фигуры в лёгких доспехах – дружинники Ратимира. Осмотрели холл и тихо исчезли.

Раскат грома.

Ближе.

К нашему столу приблизился Андрис. Мальчишка-слуга с испуганным взглядом и вечно взлохмаченной копной рыжих волос. Он протянул Коэну серый конверт, без каких-либо знаков или надписей. Посредник взял письмо и подозрительно его осмотрел.

– Кто тебе это дал?

– Человек на улице. Велел передать вам.

В нервных, суетливых движениях Коэна – тревога.

– Ладно. Гуляй. – Коэн швырнул ему медный грош, который мальчишка ловко поймал на лету.

Мы с Гроргом отвлеклись от своего жаркого.

Коэн вскрыл конверт столовым ножом. Внутри ничего не было. Совсем ничего. Посредник потряс конверт, но это не принесло результата.

Грорг выругался на своём диком наречии.

Воздух над столом сгустился. Замерцал. Возникли полупрозрачные линии, они сплетались и скручивались, образуя некий символ. Такого я никогда раньше не видел. Миниатюрный шар с вращающимися вокруг него треугольниками. Шар обрёл цвет – стал голубым. На его поверхности прорезались очертания... материков. Их было больше, чем у нас, я насчитал шесть. Перед нами модель чужого мира, догадался я. Треугольники закружились в бешеном темпе, и мир начал разваливаться. Он стружкой песка просыпался на столешницу. А треугольники растаяли.

Мы сидим. Не в силах произнести ни слова.

Первым опомнился Грорг.

– Что это?

– Предупреждение, – Коэн побледнел. – Посторонние угрожают мне. И моему миру. Вложенные треугольники – их символ.

Грорг сжал кулаки.

– Схватим ублюдка, который это передал.

Коэн печально улыбнулся.

– Поздно. *Они* умеют быстро перемещаться.

Вновь громыхнуло.

– Уже темно, – сказал я. – Давайте перетащим Рыка.

Грорг кивнул.

– Парень дело говорит.

Мы поднялись.

– Идите наверх, – шепнул я. – И оставьте открытой дверь на балкон.

Налетевший порыв ветра растрепал полы моего плаща. Небо до самого горизонта обложили набрякшие тучи. Резко потемнело. Фонарщик, приставив шаткую лесенку к стене «Горшка», отворил стеклянную закопчённую дверцу и зажёл фитиль. Я двинулся мимо него к навесу, под которым сгрудились экипажи и телеги простолюдинов. Приблизившись к экипажу, достал из кармана резной ключ и вложил в замочную скважину. На краткое мгновение мне почудилось, что под ногами лежат две тени. Выхватив керамбит, я резко развернулся. Ничего. Лишь унылая песня ветра и отблески молний над чёрными выступами крыш.

Я в карете.

Здесь всё без изменений. Вещи, правда, не разбросаны по столу и полкам. Грорг всё перенёс в номер.

Мы перебираемся. Те двое – мои друзья.

Ответная волна. Рык дал мне понять, что оценил ситуацию. И что я могу на него положиться.

Откидываю крышку люка.

Выпускаю зверя.

Скользим сквозь ночь. В сгустившихся тенях, держась поближе к стенам домов. Мимо пьяного вдрызг крестьянина, уснувшего в собственной блевотине за углом амбара. Через открытую калитку, вмурованную в кирпичную стену, что отделяла территорию конюшни от внутреннего двора, в который выходили окна наших апартаментов. Кое-где на первом этаже светятся окна. Осторожно пробираемся к лестнице, ведущей на балкон. Стараюсь не шаркать и не скрипеть. Рлоку даже стараться не нужно – при всей своей огромной массе он двигается бесшумно. Идеальная машина смерти.

Грорг и глазом не моргнул, когда Рык, едва протиснувшись в проём, двинулся в комнату. Во взгляде варвара не было страха. Напротив – восхищение.

Коэн сглотнул.

– Ладно, – хмыкнул я. – Не будем вас смущать.

И отвёл рлока в смежное помещение. Я догадывался о чувствах, которые обуревали моих спутников. Здоровенная тварь, способная перекусить пополам обычного человека, читающая мысли и умеющая наносить удары в ментальных пластах.

– Пожалуй, – сказал Коэн, когда я вернулся в первую комнату. – Я увеличу твоё жалованье. Оно того стоит.

Пожимаю плечами.

– Тебе видней.

Ветер трепал шторы, норовя сдёрнуть их с карниза, так что нам пришлось закрыть балкон. Вскоре на землю обрушился невиданный ливень. Мы зажгли свечи и распаковали тюки. Коэн развесил свою одежду и выделил по полке нам с Гроргом. Постучавшийся мальчишка-посыльный спросил, не нужно ли нам чего. И удалился с кучей заказов, среди которых были сырое мясо и три кувшина с элем.

– Придётся убивать время, – Коэн поудобнее расположился на своей кровати. – Ночь предстоит долгая. День, в принципе, тоже.

Я всмотрелся во тьму за окном. Казалось, она жила своей жизнью. Первобытный пульс оживших человеческих страхов. Там, за сплошной стеной дождя, таились силы, от которых мне предстояло защитить своего нанимателя.

Коэн перехватил мой взгляд.

– Ждёшь визитёров?

Я кивнул.

– Рано, – его голос оставался спокойным. – Они нас предупредили. И дальнейшие их действия зависят от нашей реакции.

Потоки воды заливали стекло.

Я не стал задавать следующий вопрос. Вполне закономерный. У Коэна были чёткие планы, и он будет их придерживаться. Вне зависимости от того, кто нам противостоит.

Мальчишка привёз на тележке мясо, хлеб с фруктами, нарезанный сыр, ветчину и кувшины с элем.

– Свободен, – Коэн бросил ему медяк. – До утра.

Дверь захлопнулась.

Грорг лягнул массивным засовом и, тяжело ступая, направился в свой угол. Я взял плетёную корзину с говяжьей вырезкой и пошёл кормить Рыка. По возвращении застал накрытый стол и разлитый по кружкам эль. Коэн и Грорг неспешно поглощали хлеб с сыром и время от времени прикладывались к выпивке. Я занял третий стул. Отхлебнул. По телу распространилось тепло.

– Час поздний, – сказал Коэн. – И мне скучно. Тут либо игра поможет, либо поучительная история.

– Я не знаю игр, – буркнул Грог.

Я перевёл взгляд с одного собеседника на другого.

Коэн ухмыльнулся.

– А ты что думаешь, мастер?

– Ничего. Ты и так знаешь все наши истории.

Посредник вновь наполнил кружки.

– Ты меня переоцениваешь.

Шум за окном всё нарастал. Казалось, это не дождь вовсе, а исполинский водопад, низвергающийся с высокой скалы на город, реку, замок князя и окрестные поля, смывающий всё на своём пути.

– С кого начнём? – Поинтересовался я.

Коэн достал кости. Два чёрных кубика с белыми точками на гранях. Допив свой эль, посредник забросил костяшки в пустую кружку. Встряхнул, прикрыв её ладонью.

– У кого меньше – тот и рассказывает.

Кости упали на стол. Покатались среди тарелок и кувшинов. Застыли. Шестёрка и тройка. Ухмыльнувшись, Коэн протянул кружку мне.

Вновь – стук костей по дереву. Четвёрка и пятёрка.

– Давай, Грорг, – Коэн передвинул кружку с кубиками. – Твоя очередь.

Грорг бросил кости.

Две единицы.

– Что ж, – буркнул варвар. – Слушайте.

Я разлил по сосудам остатки первого кувшина. Ночь действительно обещала быть долгой.

Глава 7. Бойня в Лесистых Фьордах

Остров Родерерк лежит к северо-западу от Белого Взморья. Это крохотный лесистый клочок суши, абсолютно непригодный для сельского хозяйства. Его главные достоинства – порт, расположившийся в уютной бухте, и Крепость-на-Скале, родовое гнездо семьи Грорга. Крепость испокон веков защищала проход в бухту. На противоположном берегу прохода предки Грорга возвели Часовую Башню, которую соединял с Крепостью тайный коридор, проложенный глубоко под водой. Говорят, его вырубали в горной толще почти полстолетия. Всякий корабль, входящий в бухту, мог быть с лёгкостью уничтожен катапультами и баллистами с крепостных стен. А иначе, как через порт, в Родерерк не попадёшь – береговая линия представляла собой отвесные каменные уступы. Была еще Янтарная Коса, но там не высадишься, корабль разобьётся о рифы. В детстве Грорг часто бродил по Косе. Порой ему улыбался бог удачи, слепой Хьёнгар – в руки попадался кусочек янтаря.

Янтарь и мех – вот чем славился его остров. А ещё – строевые корабельные сосны. Конунги Родерерка были гордыми и никому не подчинялись. Как и прочие обитатели севера, они часто воевали, совершали набеги на Взморье, но крайне редко делали это в союзе с кем-то. Хватало собственных кораблей. И воинов.

Так было всегда.

Первое воспоминание Грорга – сильные руки отца, Хлодрика Бешеного, когда тот поднял его высоко и гаркнул:

– Смотри! Это твоё.

На Грорга надвинулось свинцовое небо, Часовая Башня, бескрайняя гладь океана и чаша бухты с угрюмой чёрной громадой острова, ошетилившегося зубчатой кромкой леса. В память врезался крик альбатроса, ветер, треплющий одежду, и пронизывающий холод. А ещё – запах моря. И бородатое, пока молодое, но испещрённое шрамами, лицо человека, крепко державшего маленького Грорга. Лицо отца.

Едва научившись ходить, Грорг поднялся на палубу дракха. Отец вёл его за руку по шаткой доске пандуса. Между бортом корабля и настилом причала волны лизали облепленные ракушечником столбы. Всё вокруг было большим. Люди отца готовились к отплытию. Скрипели снасти. Палуба под ногами мальчика мерно покачивалась. К горлу подступил комок.

– Привыкнешь, – Хлодрик ободряюще тронул его плечо.

Мать он видел редко. Всё детство прошло в походах, тренировках с оружием, изучении корабельного дела. Его учили читать карты и ориентироваться по звёздам. К шестнадцати годам Грорг мастерски владел клинками, секирой, копьём и щитом, хорошо стрелял из лука. Предпочитал он, правда, двуручный меч. Уже тогда.

– Знатный конунг растёт, – приговаривал отец.

За плечами Грорга было несколько стычек на море и жестокий бой при Красной Горе. В тот день пал один из его друзей. Хлодрик, в одиночку прорубившись сквозь строй мечников, снёс голову Динхарту Висельнику, за что и получил своё прозвище. В него словно вселился бешеный зверь, его секиры сеяли смерть на поживу воронам, а в корчме «У семи гномов» месяц спустя поговаривали, будто Хлодрик испил отвар берсерка. Оттого и сражался, как сумасшедший.

Сумасшедшим, однако, конунг не был. Страной управлял твёрдо, все его походы приносили прибыль. Остров процветал. Воины любили конунга и готовы были плыть под его рукой куда угодно. Простой люд – рыбаки, охотники и сборщики янтаря – почитали его мудрым правителем.

Недовольство зрело лишь на южной оконечности острова, там, где находилась вотчина Норума Кривого. Норум – младший брат Хлодрика, – получив увечье в одной из стычек с

рюгенцами, разочаровался в образе жизни, который вёл конунг. Он полагал, что нужно больше заниматься торговлей, а не бесконечными грабежами.

Однажды, после удачного набега, вернувшийся с богатой добычей Хлодрик устроил в Крепости пир. Скальды славили подвиги его предков, воспевали битвы, через которые прошёл он сам. Мёд лился рекой. Тогда, улучив момент, Норум сказал, что Торговая Компания желает разместить на острове своё представительство. Это сулит небывалые выгоды, добавил он. Конунг согласился.

В ту ночь Грорг стал мужчиной.

Имя девушки, с которой это произошло, он не помнил. Простолюдинка, дочь кузнеца, кажется. Это событие затмило всё. А зря.

Вскоре бухта приняла первый корабль Компании. Он отличался от быстроходных дракхов, длинных и узких, с высоко поднятыми носом и кормой. Не было на корабле пришлых ни головы дракона, ни щитов. И вёсел тоже не было. Судно казалось массивным и неповоротливым и отличалось исполинскими размерами. У него было целых три мачты, оснащённые парусами различных форм и размеров. На средней мачте развевался флаг Компании – рог изобилия на золотом поле, окружённый звёздами. Норум пояснил, что звёзды – это представительства. Грорг начал считать и сбился на сорок восьмой.

За несколько месяцев в центре города, у рыночной площади выросло здание Торговой Компании – трёхэтажное, с широкими застеклёнными окнами. Грорг прежде не видел стеклянных окон. Здание было роскошным. Высокая черепичная кровля, спускавшаяся на все четыре стороны. По углам стояли небольшие шестиугольные зубчатые башенки. Опоясывая верхнюю часть стены, на уровне третьего этажа тянулись лепные украшения. Дверь – огромная, размером с ворота, – была сплошь обита железом. Над жестяным козырьком красовалась эмблема Компании – всё тот же вездесущий рог изобилия. При ближайшем рассмотрении выяснялось, что эмблема – это искусно высеченный барельеф. Чтобы попасть внутрь, нужно было трижды ударить колотушкой в виде головы льва по бронзовой пластине, начищенной до блеска. Открывала неизменно улыбчивая девушка, провожавшая вас в приёмную. На первом этаже деловито сновали рабочие и счетоводы, вдоль стен громоздились тюки, ящики, бочки, чуть поодаль виднелся спуск в подвалы и кладовые. За конторскими столами сидели, склонившись над бумагами, люди. Все они что-то писали. На второй этаж вела широкая каменная лестница. Девушка сопровождала посетителя к резной дубовой двери, по дороге выясняя предмет будущего разговора. Указывала на один из стульев с высокой спинкой и скрывалась за дверью. Дневной свет сочился в комнату через окно, составленное из круглых, чуть зеленоватых, стеклышек.

И вот вы в приёмной.

Окна здесь летом распахивались настежь, а зимой их до середины заметало снегом и разрисовывало морозными узорами. Стены были обшиты панелями сандалового дерева, украшены сложным орнаментом. Пол имел вид обширной шахматной доски, составленной из чередующихся каменных плит белого и красного цвета. Пылал камин. На широком столе среди бумажных кип, ящичков картотеки и канцелярских принадлежностей, красовались песочные часы. Едва вы входили в приёмную, часы переворачивались – песок отмерял время, в течение которого вы должны успеть заинтересовать представителя Компании.

В город начали стекаться торговцы и ремесленники. Всё чаще в гавани можно было наблюдать трёхмачтовые корабли из дальних стран. Рыночную площадь пришлось расширить. Всюду что-то строилось. Появились ростовщики.

Грорг помнил разговор отца с дядей перед тем, как всё случилось. Шло заседание малого совета. После отчёта казначея Норум вдруг заявил:

– Могущество острова растёт. Торговля приносит плоды. Надо заключить мир с королями Взморья. Откроются сухопутные караванные пути. Сократятся таможенные расходы.

Лицо Хлодрика побагровело.

Тяжёлый кулак опустился на столешницу.

– Хватит этих речей. Я пустил Компанию на свой порог. Они многое здесь изменили. Наш вековой уклад пошатнулся. Кое-где шепчутся, что мы слабы. Редко воюем. Наши мечи и топоры затупились.

– Ты ведь знаешь, что это не так, – мягко возразил дядя.

– Конунги севера, – сказал отец, чеканя каждое слово, – держали в руках меч с незапамятных времён. У нас есть исконные враги, готовые нанести удар в спину – если представится возможность. Йорлан с Дитского Уступа. Красная Гора. Лесистые Фьорды. Они не придут к нам торговать. Они явятся жечь наши селения и насиловать наших женщин.

Он встал.

– Я подумаю над будущим Компании в Родерерке.

Дядя тогда промолчал. Его потемневшее лицо говорило само за себя. Но перечить конунгу не стоило. Это означало вызов, а в поединке мало кто смог бы выстоять против Хлодрика Бешеного.

Дальнейшие события разворачивались быстро.

Спустя три дня почтовый ворон принёс послание. Ярл Ингвар из Лесистых Фьордов восстал и вырезал ночью гарнизон Родерерка. И теперь ждал Хлодрика, чтобы вступить в бой.

Конунг был вне себя.

Он спешно собрал дружину. Погрузил воинов на шесть кораблей и отправился в путь. В его отсутствие Норум был назначен наместником. Шесть дракхов, сто пятьдесят воинов на каждом. Этого вполне достаточно для того, что устроить кровавую купель бунтовщикам. Так думал отец.

Одним из тех дракхов, «Вепрем Волн», командовал юный Грорг.

Морское путешествие к Фьордам заняло восемь дней и ночей. Утром девятого дня из тумана на горизонте проступили очертания земли. Хлодрик собирался высадиться недалеко от Бурного Мыса, там, где песчаный берег врезался в плоскогорье. Оттуда всего день пути до вотчины Ингвара, городка Греверстед, окружённого деревянным частоколом. Греверстеду не выдержать натиска, полагал конунг. С собой он приказал взять луки, стрелы, фитили и горючее масло. Чтобы сжечь обиталище ярла дотла.

Судьба распорядилась иначе.

Шли берегом фьорда, огибая скалистые кручи. Слева ворочалось море, справа высились утёсы, поросшие чахлыми сосенками. В воздухе кружился первый снег.

Внезапно из тумана, окутавшего залив, выплыли силуэты. Поначалу нечёткие. Затем они оформились в трёхмачтовые корабли Торговой Компании.

Полетели стрелы и калёные ядра. Ряды островитян смешались, крики умирающих понеслись к свинцовому небу. Хлодрик принял единственно верное решение – отступить к скалам. Но там их ждали лучники Ингвара, засевшие на уступах и до поры прятавшиеся за деревьями. Дальнейшее напоминало скорее бойню, а не войну. Островитяне падали, сражённые стрелами. Сам Хлодрик рухнул, держась за оперённое древко, торчащее из горла. Остатки его армии обратились в бегство. Выжили единицы.

Всего этого Грорг не видел. Отец велел ему держать позицию у дракхов и убивать любого, кто туда сунется.

Сунулись.

Правда, свои. Десяток истекающих кровью, хромающих бедолаг. От них Грорг и узнал о бесславном поражении и предательстве Компании. Беглецов преследовал отряд пехотинцев Ингвара. Грорг крикнул, и его воины выстроились клином. Атаку удалось отбить без особых потерь. Но сын конунга понимал, что это лишь передовые силы. Он приказал погрузиться на дракх и отплыть. Благодаря туману им удалось проскочить мимо трёхмачтовых кораблей.

Отец был прав, думал Грорг. Пустить торговцев в город – большая ошибка. Но почему они напали сейчас? На чьей они стороне?

Бухта Родерерка встретила своих сыновей неласково.

Камнями и стрелами.

Именно тогда Грорг понял, что за печальными событиями последнего времени стоит его дядя. Мачта «Вепря» треснула от удара камнем. Грорг велел команде развернуть судно и усиленно грести. Тех, кто сидел на руме, братья по оружию прикрывали щитами.

И вновь им повезло.

«Вебрь» ушёл.

Еды было мало, пресная вода в бурдюках заканчивалась. Проведя три дня в открытом море, они пристали к безлюдному острову. Похоронили умерших от ран воинов, предав их огню по старой традиции. В лесах забили много дичи, завялили мясо и складировали в трюмах. Вытесали новую мачту. Подлатали парус. Передышка пошла всем на пользу. Вот только теперь предстояло принять нелёгкое решение – куда плыть дальше.

Совет держали у большого костра. Все – суровые бойцы и опытные моряки.

– Мой отец мёртв, – сказал Грорг. – Норум хитростью сел на княжение. У нас больше нет дома.

– Ты наш конунг! – выкрикнул кто-то. – Мы присягаем тебе в верности! Так я говорю?

Раздался одобрителный гул.

Забряцало оружие.

Родереркцы колотили мечами и секирами о щиты. Их лица выражали готовность идти за своим вождём хоть на край света.

Вперёд выступил Ригор, седобородый гигант с обветренным лицом. Отблески пламени танцевали на широком клинке его меча.

– Поднимем западных ярлов, – предложил он. – Соберём войско. Сметём Норума Кривого в море.

Толпа зашумела.

Грорг поднял руку.

Воцарилась тишина.

– Братья по оружию, – начал он. – Я понимаю ваш гнев. И вашу боль. Под Греверстедом погиб мой отец. Но вы знаете лучше меня, что мимо Крепости-на-Скале и Часовой Башни не проскочить. Даже на тридцати дракхах. А больше нам не собрать. Да ещё Компания теперь патрулирует прибрежные воды. Это могучий противник. Нам не выстоять в этой войне.

– Ты предашь память своего отца? – выкрикнул кто-то.

Грорг почувствовал, как сжались его кулаки.

– Нет. Я отомщу. Но для этого потребуется время.

Глава 8. Руны на песке

Потрескивали дрова в очаге.

За окном по-прежнему шёл дождь, а где-то внизу пьяный мужской хор пел песню о распутной пастушке.

– Чем всё закончилось? – не выдержал я. – Где теперь твой дракх и вся его команда?

Наш возница залпом выпил полпинты эля и стукнул опустевшей кружкой по столешнице.

– Четыре года мы бороздили северные моря. Грабили суда Торговой Компании. Совершали набеги на Взморье. Вели переговоры с ярлами, бывшими данниками моего отца. Но никто не спешил к нам примкнуть. А вот представительство нами заинтересовалось. И назначило награду за наши головы. Стало жарко.

– И вы продали корабль, – напомнил Коэн.

Глаза Грорга сверкнули.

– Да. Продали и поделили выручку. Разбрелись на все четыре стороны. Я подался вглубь материка. А что мне ещё оставалось?

Он вздохнул.

– Спустя годы мы встретились, – сказал Коэн. – В таверне «Три черепахи», кажется. В славном городе Стоке, оплоте Воровской Гильдии и прибежище наёмников всех мастей. Грорг был на мели и охотно согласился на меня работать.

Грорг кивнул.

– Вот и конец истории, – буркнул он.

– Весьма поучительной, – добавил Коэн.

– И чему же она нас учит? – я наполнил кружки. И взял с тарелки кусок сыра.

– А тому, – Коэн поднял вверх палец, – что экономические соображения лежат в основе всего. Войну выигрывает тот, у кого деньги.

– Да с чего вы вообще взяли, – я закинул сыр в рот, – что Норум был в сговоре с Компанией?

Коэн усмехнулся.

– Это же так просто, друг мой. Норум хотел править. Компании был необходим опорный пункт в Белом море. Их интересы пересеклись на ключевой фигуре – Хлодрике. Конунг вёл независимую политику. Он не устраивал многих.

Дождь за окном поутих. Сквозь прорехи в тучах начали выглядывать звёзды. Проступил исполинский серп первой луны, смахивающий на остро отточенное лезвие боевой секиры. Я потянулся, хрустнув суставами. Зевнул.

– Что ж, – Коэн поднялся. – Время позднее. Пора и честь знать.

Мы сложили остатки еды в одну тарелку и накрыли другой – глиняной, со сколотым кусочком ободка. Сдвинули вместе с недопитым кувшином в центр стола.

– Мне надо подумать, – сказал посредник. – Так что я первый в дозоре. Второй – Ольгерд. Всё. Ложитесь.

Мы не заставили себя уговаривать.

Я быстро, насколько это позволяли ремни с чехлами, разделся и накрылся одеялом. И провалился в сон под мерный перестук дождевых капель.

Меня преследовала бессвязная череда картин. Сначала я плыл на дракхе в компании варваров. Вокруг лениво ворочалось Белое море. Ветер натягивал парус. Я слышал крики альбатросов, видел свою руку на доске фальшборта. Мне было уютно, я чувствовал себя своим здесь... Потом картинка сменилась. Я – в городских трущобах. И на стене лежит чёрная тень. Я выхватываю клинок и пытаюсь её ударить, но рука движется слишком медленно. Тень исчезает. Нож ударяется о кирпич, высекая искры. В тот же миг город начинает меняться. Стены

домов с гулом перемещаются, двери и окна затягиваются кирпичной кладкой, вместо них прорезаются новые проёмы. Некоторые дома вырастают, иные проваливаются под мостовую, на их месте тотчас, пробиваясь из-под булыжников, вырастают пучки травы. Я оказываюсь в лабиринте, контуры которого непрестанно перекраиваются. Жители словно вымерли. Я кричу, и мой голос эхом разносится по безлюдным улицам. Город приобретает черты то Крумска, то Ламморы, то Вистбердена. Он многолик и непостижим. Я дёргаю двери, но все они заперты. Порой двери и вовсе превращаются в невесть что – окна лавок, ниши, заросшие плющом, горгульи и барельефы. И вот, уже совсем отчаявшись, я заметил окно. А в нём – знакомый звериный оскал. Рык. Над моей головой светит разгорячённое солнце, а в том окне, распахнутом настежь, тускло сияют полярные звёзды. И завывает вьюга. К проёму ведёт грубо сколоченная лестница. Мои руки сами собой ухватились за перекладину. Я начал подъём. И вдруг осознал, что лестница стала верёвочной. Город подо мной сменился бескрайней степью. Зелёным колышущимся морем. Я поднял голову, чтобы определить, куда ведёт лестница.

И проснулся.

Коэн тряс меня за плечо.

– Подъём. Твоя очередь.

Я сел, скрестив ноги. Хмуρο кивнул. Образы, навеянные сном, медленно отступали, теряя чёткость и реалистичность.

Меня посетила страшная мысль. Кто-то *извне* вторгся в мой сон и занялся его реконструкцией. Кто-то хотел манипулировать моим разумом. А рлок его остановил.

Сосредотачиваюсь на комнате за дверью.

И между нами протягивается ниточка связи.

Человек и зверь.

Ты был в моём сне?

Подтверждение. Согласие, не оформленное речью.

Там был кто-то ещё?

Да.

Ты знаешь – кто?

Нет. Он не знает. Кто-то охотился на меня в невидимых полях. Рлок шёл по его следу. Но добыча ускользнула.

Спасибо.

Волна благодарности. Я вложил в неё все свои чувства. И получил в ответ тепло преданного друга.

Он заверил меня, что будет на страже.

Всегда.

– Эй! – Коэн толкнул меня. – Всё в порядке?

В глазах посредника – беспокойство. Впрочем, вряд ли он догадывался о том, что недавно произошло.

Киваю.

Сбрасываю одеяло и начинаю медленно одеваться.

– Грорга разбудишь с рассветом, – говорит Коэн. И валится на кровать.

Покончив с ремнями, я приближаюсь к окну. Дождь прекратился. Ветер немного разогнал тучи, открыв прорехи со звёздным небом и чисто вымытым ущербным ликом Торнвудовой Луны. Рукава Туники по-прежнему тонули в подсвеченной мириадами ночных глаз туманности.

Я открыл дверь на балкон и впустил в комнату прохладу. Задумался над странностями нашего мира. Несуразностями даже, а не странностями. Вот окно со стеклом в раме. Это представляется мне естественным. А Гроргу стекло, наверное, кажется чем-то невероятным. Или возьмём паровые машины. Они кажутся *мне* инородными творениями, изрыгающими пламя и

копоть, а те люди, что явились в Ламмору несколько лет назад, использовали их регулярно. Или взять, к примеру, время. А ещё точнее – его измерение. В одних городах мне доводилось видеть солнечные часы, в других – песочные, в третьих – исполинские клепсидры, переворачивающиеся один раз в сутки. А в иных местах строили высокие ратуши, напичканные рычажками и шестерёнками, с циферблатом и стрелками, упорно движущимися по кругу... А фонари? В одних городах их заправляли маслом, в других – газом, а где-то и вовсе использовали магию. А если уж рассуждать о магии, то она не первое столетие мирно сожительствоует с научным познанием. Наш мир, разрываемый противоречиями, в сущности, неплохо сбалансирован. Как нож, выкованный в кузнице и снабжённый рунами. Вот только кто его сбалансировал? Боги? Или кто-то другой?

Вопросов много.

А ответов нет.

Прикрыв дверь, я сел на кровать. И погрузился в воспоминания.

День, когда я встретил своего Наставника, ничем не отличался от предыдущих. Скучный день в лесу, где я жил с отцом, матерью и двумя старшими братьями. Мой мир включал в себя бревенчатый дом, сарай с инструментами, сеновал, погреб, загон для скота, пчелиные ульи и аккуратные квадраты возделанной земли. Мы корчевали и жгли деревья, отвоёвывая пространство у глухой чащи Шинского Леса, раскинувшегося в южных провинциях Трордора. Угрюмая буро-зелёная стена обступала нас со всех сторон. Других людей, кроме своей семьи, я не видел месяцами. Отец держался особняком от цивилизованного мира после эпидемии жёлтой чумы, вспыхнувшей четыре десятилетия назад и выкосившей половину населения Юга. Он говорил, что если жить отдельно, это спасёт нас. Мы ему верили.

Поездки в Мстивль, маленький городишко к северу от нашего хутора, были настоящим праздником. Отец загружал телегу бочонками и глиняными баночками с мёдом и воском, связками меха и дублёных шкур, затем вёз всё это на ярмарку. Нас он неизменно брал с собой – меня и Кейстута, среднего брата. Кейстут, хорошо владевший топором и луком, был нужен ему для охраны товара. А я учился торговать.

Телега была старой и скрипучей. Отец впрягал в неё еле передвигающуюся клячу, поэтому дорога через лес занимала полдня, не меньше. Мы выезжали затемно, а когда пересекали мост, переброшенный через ров, окружающий Мстивль, ярмарка уже гудела вовсю. С ней были связаны самые яркие впечатления моего детства. Толпы пёстро одетых людей, шатры циркачей, ширма кукольного театра, лотки со сладостями, высокий столб, на который взбирались любители дармовой выпивки...

В тот день отец собирался на ярмарку.

Мы помогли ему загрузить мёд и всё остальное. А потом вновь стало скучно. Я сел на полено в тени восточной стены дома, поднял с земли острую щепку и стал заниматься своим любимым делом. Чертить на песке руны. Откуда я знал, спросите вы, что такое руны? Ниоткуда. Я даже не догадывался, что линии и загогулины, которые я вывожу щепкой на песке, имеют некий смысл. Что-то внутри меня хотело рисовать. Я не противился этому зову. Зигзаги, полукружья и линии складывались в узоры. Я их тут же смахивал и брался за новые. Иногда что-то происходило. Прошлым летом я создал руну, которую огибали стороной муравьи.

В тот день я начертил знак «ир».

Это мне позже объяснил Наставник. А тогда я просто вычертил нечто. Оно мне понравилось. Я бросил щепку на песок. Но щепка не упала. Осталась висеть в воздухе, на расстоянии ладони от моего рисунка.

Меня взяла оторопь.

И я не заметил, как из лесу вышел человек. Я обратил на него внимание лишь когда его силуэт вырос прямо передо мной, загородив небо.

Я поднял глаза.

Одет он был в рваную и кое-где заштопанную дерюгу с капюшоном и широкие холщовые штаны. Дерюга спускалась до колен бродяги и застёгивалась дешёвыми сыромятными завязками. Через плечо была перекинута верёвочная лямка походной сумы. Череп гладко выбрит. Седая борода разделена на три косички, схваченные стальными кольцами. В косички вплетены чёрные и красные нити. Под левым глазом бродяги виднелся крестообразный шрам.

Позже я узнаю, что представители Гильдии делятся на две группы. Смотрители, охраняющие Храмы Демиургов, и странствующие Наставники. Последних метили вот такими шрамами, символизирующими Знание-на-Перекрёстках. Они скитались по отдалённым провинциям в поисках учеников. Самые старые и пользующиеся авторитетом Наставники входят во Внутренний Круг. Во главе Круга стоит Магистр.

Передо мной высился брат Круга.

Тогда я этого не знал.

– Играешь, – сказал бродяга.

Я дёрнулся.

Голос пришлого был надтреснутым и негромким. И, конечно, он был первым, кто явился на хутор за последние два года.

Киваю.

По телу бегут мурашки. Отец учил меня не доверять чужим. И бояться их. Я хорошо усваивал уроки.

Наставник был долговяз и обманчиво нескладен. Он присел на корточки – так, чтобы его глаза оказались вровень с моими. Лицо его раздвинулось в дружелюбной улыбке. И в ней растворился страх. Мой страх, впитанный с побоями отца.

Взгляд бродяги скользнул по начертанной руне. На лице его проступило одобрение.

– Хорошо, – сказал он. – Очень хорошо.

Щепка всё ещё висела в воздухе.

Момент нашего знакомства был омрачён укусом пчелы. Я вскрикнул и устался на быстро разбухающий волдырь на ноге.

– Попробуй вот это, – бродяга в три взмаха изобразил пальцем на песке некий символ. – Всегда помогает.

С этими словами он выпрямился.

– Вы ищете папу? – спросил я.

Человек задумался.

– Пожалуй, – промолвил он. – Пожалуй, что так.

Меня удивила эта его привычка повторять всё дважды.

– Он в кузне. Возится с подковами.

Бродяга прислушался. Издалека, с противоположной стороны дома, слышался звон металла.

– Спасибо, – он быстро двинулся прочь.

Я взглянул на руну, оставленную им. Два скрещенных зигзага и змейка справа. Не знаю, что меня побудило повторить этот рисунок – на опухающей лодыжке. Изменения не заставили себя ждать. Сначала отступила боль и нестерпимый зуд. Затем спала опухоль.

Похоже, рисунки обладали силой.

Испугавшись, я провёл рукой по песку.

Щепка упала. Словно кто-то обрезал невидимые нити, соединяющие её с небом.

Как выяснилось, бродяга хотел добраться до Мстивля. И ему были нужны провожатые. Он заплатил отцу. Сказал, что не обременит нас в пути.

Мы выехали до рассвета.

Я, Кейстут, отец и Наставник Вячеслав. Так представился нам бродяга. Спал он на сеновале, подложив под голову свою котомку, но выглядел бодрым и отдохнувшим. В отличие от нас.

Повозка тихо вкатилась под сень сплетающихся древесных крон – на едва приметную в предрассветной мгле тропинку. Вячеслав спокойно вышагивал рядом, ничуть не отставая.

– Забирайся в повозку, – буркнул отец. – Путь неблизкий.

Вячеслав с благодарностью кивнул. И пристроился рядом со мной. Вот тогда я и приметил выглянувший из-под дерюги чехол.

Волки атаковали нас около полудня.

Лес поредел. Сквозь полог листвы пробивались солнечные лучи, световыми стрелами вонзающиеся в примятую траву. Я до сих пор не понимаю, зачем они напали. В стаи волки сбиваются осенью, а от человеческих троп держатся подальше. К тому же, нас было четверо. Не по зубам добыча, если разобраться.

Но они напали.

Сперва мы слышали вой. А потом – шорохи в кустах. Промельки серых тел. Отец дёрнул поводья, останавливая лошадь. И схватился за короткий меч, доставшийся ему от деда, служившего некогда князю Дремиру. Кейстут сжал рукоять топора. А наш спутник неторопливо расстегнул завязки на дерюге. Моему взору предстал целый арсенал клинков. Тело Наставника покрывали кожаные накладки, перекрещенные ремни с чехлами... А в тех чехлах – ножи. Помню, у меня отвисла челюсть.

В следующий миг заросли ожили.

Вячеслав двигался с невероятной скоростью. Я не мог себе и вообразить, что человек способен на такое. Его руки отправляли в смертельный полёт клинки и возвращали их обратно. Хруст, визг и ругань отца слились воедино, сплелись в полотнище схватки. Ножи Вячеслава, казалось, жили собственной жизнью. Разили направо и налево, возвращались к нему в ладони, вновь спешили по неизведанным траекториям... Помню, одного зверя зарубил отец. Кровь брызнула мне на лицо и одежду. Реальность разделилась на вспышки-образы. Оскаленная пасть. Я инстинктивно черчу перед собой руну – ту, что так невзлюбили муравьи. Волк врезается в невидимый барьер и сползает на тропу. Вскакивает. И катится с ножом в бок, загнанным по самую рукоять. Вспышка. Клинок возвращается, щедро разбрасывая кровь...

Это было невероятно.

Я впервые увидел мастера ножей за работой. Он положил в одиночку целую стаю. Ну, кроме того самца, зарубленного отцом. Кейстут размахивал топором, стоя на телеге и что-то орал при этом.

– Умолкни, – сказал отец.

Повисла тишина, нарушаемая лишь поскуливанием издыхающего вожака – матёрого волчары, серого с белой опушкой. Вячеслав шагнул к нему и перерезал глотку. Присел. Вытер клинки о шерсть. Убрал в чехлы. Поднимаясь, он уже застёгивал дерюгу.

Кейстут всё ещё судорожно сжимал топор.

– Садись, – ласково промолвил Вячеслав. – Их больше нет.

Вспышка.

Я понимаю, что карие глаза мастера ножей впились в меня.

– Ты сотворил руну щита, – сказал Вячеслав. – Кто тебя этому научил?

Я пожимаю плечами.

– Никто.

Вячеслав поворачивается к отцу.

– Есть разговор. Долгий.

Отец не ответил.

Мы насчитали около дюжины павших тварей. Отец с Кейстутотом отрезали им головы, завезли в город и получили хорошую награду от князя. Продав мёд и воск, мы двинулись в обратный путь. И вновь с нами был Вячеслав. Допоздна они о чём-то спорили с отцом. Пили мёд. Мать в беседу не вступала.

У меня было предчувствие, что решается моя судьба.

Утром дверь в комнату, где я спал, отворилась. На пороге стоял хмурый, не выспавшийся отец. От него несло медовухой.

– Собирайся, – сказал отец. – Ты едешь в Трордор.

Так Вячеслав сделался моим Наставником. И прервал нить скитаний. Потому что нашёл достойного ученика.

Прошлое схлынуло.

Сквозь палимпсест событий проступило дождливое утро Крумска. Свежие руны на старом, выскобленном пергаменте.

Рассвет.

Я разбудил сопящего Грорга.

И лёг спать. На сей раз – без сновидений.

Глава 9. Путешествие к Лихому Броду

Меня разбудил птичий щебет.

Открыв глаза, я увидел яркое солнце, поднявшееся высоко над горизонтом. В небе носились ошмётки вчерашних туч. Дверь балкона – нараспашку. По комнате гулял свежий ветер. Он же шумел в кронах деревьев за окном.

Стол убран.

Грорг деловито пакует дорожные сумки.

Поднимаюсь.

– Доброго дня, – голос Коэна доносится из-за моей спины. – Собирайся.

Я зевнул. Диалог вызвал приступ дежавю.

– Куда?

Спал я, как выяснилось, в полной амуниции. Только сапоги сняты.

– В сердце Озёрного Края, – ответил Коэн. – К заброшенному Храму у Лихого Брода.

Я вздрогнул. Одна из легенд моей гильдии. Некогда, на заре времён, в Озёрщине стоял Китоград, могучая и прекрасная столица Царства Вигов. Его власть простиралась очень далеко, даже на земли Трордора, коего тогда и в помине не было. Поговаривали, что Царство – наследие Державы Четырёх Сторон. Китоградский властитель контролировал речной путь к Срединному Морю, а, следовательно, – всю торговлю тогдашней Тверди. Вечно так продолжаться не могло. Западные королевства сплотились под властью Вотуна Проклятого и объявили войну Царству. На стороне Проклятого выступила Гильдия Магов. В те времена колдуны были сильны, и удар их поверг Озёрщину в ужас. Тичь изменила своё русло, бесконечные дожди смыли посевы и затопили ряд городов, ураганы сносили целые армии. Высвободились древние стихии воздуха и воды. Эти стихии обрушились на Храм Демиургов. И что-то произошло. Что-то очень нехорошее. В морских глубинах у западного побережья распахнулись врата в иной мир. Жуткие создания вылезли на берег и положили конец цивилизации Вотуна. А затем столь же внезапно пропали. С небес на башни магов спустились крылатые машины и сравняли их с землёй. Почти никому из кудесников не удалось спастись... Дальше легенда описывает возникновение Гильдии Ножей. Лучшие воины и независимые маги Тверди объединились, чтобы создать структуру для защиты Храмов. Никто не хотел повторения кошмара.

Китоград быстро утратил своё влияние и зачах. Люди покинули былую столицу. Дороги к Лихому Броду заросли. Упадок и разложение надолго воцарились под лунами. Озёрщина рассыпалась на удельные княжества.

– Дурное место, – вздохнул Грорг.

Я был с ним согласен.

– У нас нет выбора, – Коэн направился к двери. – К тому же вы на меня работаете. Я плачу не за суеверия.

Тон посредника стал резким. Отбивающим всякую охоту возражать.

И мы не возражали.

В полдень явился гонец от Ратимира с вестью, что проводник готов отправиться в путь. Нам надлежало явиться через час к главным воротам, где он будет нас ждать в компании дружинников из отряда сопровождения. Коэн поспешил вниз, чтобы расплатиться с хозяином.

Не таясь, я вывел Рыка из наших покоев в задний двор, и уже знакомыми закоулками мы добрались до экипажа. Встретившийся нам конюх отшатнулся, вжавшись в забор. Рык не обратил на него ни малейшего внимания. Ветер поигрывал шерстью на его загривке.

– Шевелись, – Коэн откинул крышку люка в полу экипажа. – Нас ждут.

Пахнуло зимней свежестью.

Рлок с достоинством удалился в подполье. Я задвинул щеколду люка. Коэн трижды ударил посохом в переднюю стену.

Экипаж тронулся.

«Дымный горшок» уплыл прочь и вскоре его отрезал поворот улицы. Экипаж прогрохотал по гулким ущельям Крумска и замедлил ход, приблизившись к городской стене. Там нас действительно ждали. Пятнадцать крепких воинов, все конные, в кожаной броне со стальными накладками, вооруженные луками, полуторными мечами, секирами и булавами. Ни одного копейщика. Правильно сделал князь – в лесу копья ни к чему.

Проводник доверия не вызывал. Косматый сгорбленный старик с безумным взглядом, увешанный с ног до головы амулетами да оберегами, перепоясанный бесчисленными верёвочками и шнурками. У пояса – кривой охотничий нож и фляга. Старик опирался на изогнутый посох, с набалдашника которого свисали крохотные шарики, побелевшая косточка, пучок перьев и медвежий клык.

Коэн вышел наружу. Перекинулся парой слов с предводителем отряда, затем с безумным дедом и вернулся обратно.

Дед залез на крышу, примостившись рядом с возницей.

Мы направились к арке ворот.

– Ты ему доверяешь? – спросил я.

Коэн сел у письменного стола. Принялся задумчиво перебирать бумаги.

– Старику?

– Да.

– Вполне. Ратимир написал, что он следопыт, знает всю Озёрщину. И, самое главное, – раньше жил в тех местах.

– Почему он нам помогает?

– Я щедро плачу.

– Он стар. Зачем ему золото?

– Не ему, – Коэн убрал бумаги в ящик стола и достал оттуда увесистый кошель. – Плата предназначена одному из вассалов князя. Это выкуп.

– Выкуп?

– Наш провожатый, Ивен из Верхней Сусании, – раб. Он хочет умереть свободным человеком.

Сказанное повергло меня в ступор. Наконец, удалось выдавить:

– Мне казалось, в Озёрщине нет рабов.

Коэн смерил меня насмешливым взглядом.

– Они есть везде. В большей или меньшей степени. Пленных берут в рабство. Таков обычай. Я оставил выкуп Ратимиру. Когда мы доберёмся до Верна, я пошлю ему весточку, и золото будет передано в нужные руки. В ответ мне отправят вольную. Это – гарантия того, что Ивен не кинет нас в болотах.

В который раз я восхитился расчётливостью своего спутника.

– Кстати, – Коэн швырнул мне кошель. – Раз уж речь о деньгах.

Я поймал мешочек.

Тяжёлый.

– Твоё жалованье.

Киваю. И прячу золото в рюкзак.

Эрнский тракт, попетляв вдоль крутого правого берега Тичи, вновь углубился в лесные дебри. Каменная кладка сменилась вытоптанной колеёй.

Потянулись однообразные дни. Мы скакали, останавливаясь лишь затем, чтобы перекусить, напоить лошадей и дать им передышку. Озёрный Край был поистине велик. Мимо нас проносились рощи, луга и поля. Местность была в основном равнинная, лишь изредка тракт

огибал холмы и овраги. Порой мы проезжали по мостам, переброшенным через лениво текущие реки. Кое-где нам встречались деревни и ветряные мельницы, неспешно вращающие лопасти на продуваемых всеми ветрами пригорках. На ночь мы разбивали лагерь. Разводили костёр, били кроликов и прочую мелкую живность, варили похлёбку и жарили мясо на углях. Делились на группы по три человека и несли по очереди вахты. Сидели подолгу, глядя, как искры отделяются от огня и уносятся в звёздную даль...

Все воины общались на державном наречии, так что мы прекрасно понимали друг друга. Их предводитель, десятник Трибор, был ветераном пограничных войн. Жилистый, русоволосый и бородатый, он вечно вслушивался в звуки чащи и настороженно относился ко всему. Под пинту доброго эля десятник становился разговорчивым и травил нам байки о стычках с язычниками и волколаками.

Издревле Озёрный Край поклонялся собственным богам. Их капища ставили по берегам рек, их искусно вырезанные из дуба или кости фигурки служили оберегами. Им приносили жертвы. Культ Демиургов нарушил вековой уклад и посеял вражду меж князьями и племенами. Эта вражда и поныне не давала покоя Ратимиру.

– А что, – спросил Вестас, самый молодой из нас, – доводилось тебе биться с перевертнем, Трибор?

Мы только что заварили чай с чабрецом, и Вестас разливал его по кружкам. Мех с элем уже опустел.

Трибор хлебнул чаю. Задумчиво уставился в огонь.

– Думаете, сказки это, – вдруг сказал он. И поставил кружку на щит по левую руку от себя. – Так, Вестас?

Парень хмыкнул:

– Попробуй сыщи на сто вёрст окрест Крумска хоть одного перевертня.

– Не сыскать, – кивнул Трибор. – А в Чудских Угодьях тебе доводилось бывать? Или на Чёрных Болотах?

Вестас промолчал.

Мы разбили лагерь у излучины Нетвиги, левого притока Тичи. Холм, где мы стояли, с одной стороны прижимался к воде, а с трёх других был окружён высокими соснами. С тракта мы съехали.

Я подбросил полено в костёр. Шевельнул суковатой палкой.

Взметнулся сноп искр.

Сегодня мы вдоволь наелись крольчатиной. Дружинники спали под открытым небом, как и Грорг с Ивеном, подложив под головы попоны. Коэн, по обыкновению, ночевал в экипаже. Грорг жутко храпел.

Рык охотился.

Отголоски первобытной рлочьей радости едва касались моего разума.

Люди князя не сразу привыкли к зверю. Смотрели искоса. С опаской. Но понимали, что рядом могучий союзник. Пусть и вечно голодный.

– Ладно, – Трибор потянулся за кружкой. – Слушайте.

Мы подсели ближе.

Случилась эта история, по словам десятника, лет двадцать назад. Отец Ратимира, князь Хоруг, вёл кровопролитную войну с двенскими племенами, занявшими лучшие пойменные луга Тичи. Ему были нужны союзники. И искать их владыка решил в Чёрных Болотах. Те места пользовались дурной славой, но князя это не остановило. Уж больно напирала двены, брали одну крепость за другой на Речных Островах. А тут явился из дремучих чащ посланец и заявил, что тамошний вождь хочет породниться с Хоругом. Есть, мол, у него дочь, а у князя подрастают сыновья. И, коли даст согласие светлый князь на этот брак, Чёрные Болота выставят четыре тысячи бойцов под его знамёна. Крепко призадумался Хоруг. О болотных воинах

сказывали, что оборачиваются они во время боя в жутких тварей, быстрых и необоримых. И убить их очень сложно. Берут перевертней лишь ясеновые стрелы заговорённые, да клинки с забытыми рунами. Хоруг понимал, что союз с Болотами решит исход войны. Но и сыновей своих он любил. И долго не мог сделать выбор – кого отправить в Мерф, Теновой Град, столицу Болот. Посланец терпеливо ждал ответа. Хоруг бросил жребий. И ехать выпало Свенельду, старшему сыну. Едва встретив шестнадцатую весну, Свенельд склонил голову перед решением отца. Ранней осенью, когда листья на деревьях тронула желтизна, он тронулся в путь во главе отряда из тридцати мечников. Был среди них и Трибор.

В Мерф они въехали с первыми дождями.

Город окружали торфяные болота. Ни крестьян, обрабатывающих поля, ни ремесленников они не встретили. Обитатели Чёрных Болот жили охотой. И набегами на приграничье. Теновой Град не был обнесён стеной. Но попасть в него чужаку было непросто – тропы, огибающие гибельную топь, знал лишь местный люд.

В полуверсте от Мерфа лежало капище. Холм, вершину которого огородили бревенчатым частоколом. Заостренные, грубо отёсанные стволы кое-где украшали побелевшие черепа животных. И людей. В центре капища рос приземистый трёхсотлетний дуб, а под ним был установлен каменный алтарь. Полукруг резных, вкопанных в землю тотемов, злобно таранился на того, кто осмелился переступить черту святилища.

Турм, вождь союза племен Черноболотья, жил в срубном трёхэтажном доме, к которому прилепилось множество пристроек. Воинов и слуг Свенельда разместили со всеми почестями в лучших комнатах.

Проблемы начались неделю спустя.

Местные и без того косились на северян, шептались, что чужакам здесь не место. Во время одного из пиров захмелевший Кветень облапал одну девку, а затем и вовсе увлёк её в кладовые. Появились оба спустя час, раскрасневшиеся и довольные. Девка оказалась женой Вулкара, ведавшего личной охраной вождя.

Наутро Кветеня нашли с перегрызенным горлом. А девку – со вспоротым животом.

– Вы вступились за него? – перебил Вестас.

– А то, – Трибор кивнул. – Этот придурок был моим братом по оружию.

Я сыпанул чай в котелок и наполнил его водой из меха. Взял почерневший от копоти крюк и повесил жестянку над огнём.

Свенельд ещё спал. Турм с дочерью – тоже. Вооружённый отряд под предводительством Готвига Бычьей Шеи вломился в палаты вождя и сцепился с охраной. Вот тогда северяне впервые и отведали клыков перевертневых. Дружинники Турма обернулись кто в волка, кто в медведя и принялись за дело. То были странные звери. Было в них и животное и человеческое начало. Некоторые оборачивались не полностью, стояли на задних лапах, а в передних держали мечи и кастеты. Двигались очень быстро, рвали глотки в прыжках. А прыжками могли покрыть полкомнаты.

Я втянул ноздрями воздух.

Пахло душистым чаем.

– Скоро закипит? – спросил Вестас.

– Почти готово.

Трибор умолк. Некоторое время тишину нарушала лишь булькающая в котелке жидкость.

– И что дальше? – не выдержал Вестас.

– Вы ж не слушаете.

– Слушаем, – заверил я. – Продолжай.

– А что продолжать, – кряхтя, Трибор расположился поудобнее на своём насесте. – Перебили нас. Почти всех.

– Но ты же здесь, – напомнил я.

– Это не моя заслуга, – отмахнулся десятник. – Нас выручил Свенельд. Он разбудил вождя и тот положил конец безобразию.

– Как? – вырвалось у Вестаса.

– Обернулся вепрем. И пригвоздил к стене Вулкара. Клыками. Остальным велел разойтись.

И ему подчинились. Из всей свиты Свенельда в то утро выжили лишь Готвиг Бычья Шея, Трибор и ещё несколько опытных ветеранов.

Свадьбу назначили на День Полных Лун. С наступлением сумерек Свенельд, его невеста и Турм с приближёнными покинули город, двинулись на капище. Что там происходило – никому не ведомо. А только вернулась процессия со Свенельдом на носилках. Княжеский сын был весь в крови, но дышал. Он жив, сказал Готвиг. Это инициация, таков их обычай.

– Инициация? – переспросил Вестас.

– Да, – кивнул Трибор. – Это когда тебя кусает перевертень. И ты становишься одним из них.

Вестас поморщился.

Чай уже вовсю кипит. Я снимаю котелок с огня, беру половник и разливаю очередную порцию отвара по кружкам. Котелок ставлю на траву. Подальше от огня и летящего пепла.

Три дня Свенельд лежал без движения в своих покоях. Рядом с ним неотлучно сидела Гвенед, дочь Турма. Порой тело молодого князя содрогалось, выгибалось дугой и вновь расслаблялось. У изголовья его постели стоял каменный тотем Клана Вепря – древнего рода болотных вождей. На четвёртый день Свенельд открыл глаза. Он уже не был человеком.

– Мы несли службу в Мерфе ещё год, – Трибор поднес кружку к губам. Подул на отвар. Сделал глоток. – Свадьба, как и было назначено, состоялась при полных лунах. Вот только Свенельд, едва став частью Клана Вепря, отдалился от нас. Мы были изгоями, чужаками. Жили среди существ, которых и людьми-то не назовёшь.

Он умолк.

Спустя мгновение продолжил:

– В конце следующего лета Готвиг подошёл к Свенельду и попросил отпустить нас в Крумск.

– Он согласился? – спросил Вестас.

– Да, – Трибор вздохнул. – Легко.

– А что с войной? – вступил я в разговор. – Вы победили? Турм исполнил обещание?

Трибор кивнул.

– Болота сражались под нашими знамёнами. Двены были отброшены на тысячу вёрст к северу, за пределы Чудских угодий. В итоге с ними заключили мир, их князь присягнул в верности Хоругу.

– Хороший конец истории, – заметил я.

Трибор перевёл взгляд с кружки на меня. И взгляд этот был тяжёл.

– А почему ты думаешь, Ольгерд, что это конец?

Пожимаю плечами.

– Нет, – в голосе Трибора что-то изменилось. – Всё не так просто. Хоруг умер, и власть теперь у Ратимира. Но ведь он *младший* сын.

Пауза.

Чтобы я осмыслил услышанное.

– А старший, – закончил десятник, – теперь в Клане Вепря. Турм стар, и после его смерти правление перейдёт к Свенельду.

Дальнейших пояснений не требовалось. Война за престол – дело времени. Ратимир – преемник по завещанию. Свенельд – по праву старшей крови.

– Отойду, – бросил Вестас.

И скрылся в темноте.

– Лихой Брод, – задумчиво проговорил Трибор. – Путь туда лежит через Болота. Иначе не попасть.

Глава 10. Посторонний

Возница натянул вожжи, замедляя коней. А затем и вовсе свернул на боковую дорогу, которую я сперва не заметил. Лес сомкнулся, обступил нас, зловеще ухая и шелестя птичьими крыльями. Тракт стал неровным, из земли торчали изогнутые корневища. Экипаж часто подскакивал на ухабах, рессоры жалобно скрипели. Мне всё чаще казалось, что за нами следят. Словно заросли обзавелись собственными органами чувств и обрели разум.

Минула третья неделя нашего путешествия. Мы ехали без происшествий. Неприятный эпизод с посланием в «Горшке» постепенно забывался. Даже погода благоприятствовала нам: солнечные дни лишь однажды омрачились ливнем.

На двадцать второй день пути, когда светило зацепилось брюхом за зубчатую кромку леса, мы разбили лагерь на уединённой опушке в стороне от тракта. Неподалёку тёк холодный ручей, и мы наполнили водой опустевшие бурдюки. Ручей впадал в небольшое озерцо, и у нас появилась возможность искупаться. После изнурительной гонки по пыльному тракту, я с удовольствием скинул одежду и окунулся в целебную прохладу.

– Эй, Вестас, давай наперегонки!

Воды озера всколыхнулись и забурлили. Один за другим воины прыгали с обрыва, поднимая тучи брызг, оглашая воплями окрестности и громко переговариваясь.

– Трибор, старая кляча! Плыви сюда!

Вспарывая воду широкими взмахами, я направился к берегу, где, широко расставив ноги, меня ждал ухмыляющийся Коэн.

– После ужина – совет.

Сказав это, посредник начал раздеваться. Был он худ и бледнокож.

Я выстирал свою одежду. И направился в лагерь. Натянул верёвку меж двух осин и развесил вещи. Переоделся в чистое.

На поляну спускались сумерки.

Единственным, кто не пошёл с нами купаться, был Ивен. Следопыт вообще куда-то исчез. Впрочем, мы уже привыкли к его нелюдимости и странным отлучкам. Проводник он был толковый и всегда грамотно выбирал место для ночёвки.

Дежурить сегодня выпало не мне, и это радовало.

В сгустившейся тьме заплясали языки огня. Грорг приволок косулю, зарезанную Рыком, освежевал её и начал разделывать. Вскоре запахло жареным мясом.

Рык кормил себя сам.

Днём он спал в подполье экипажа, а ночью рыскал по дремучей чаще, разминая мышцы и утоляя голод. Порой, когда все засыпали, мы охотились вместе. Вгрызались в ночь и чужие заросли. Обменивались ключьями образов. Рлок гнал на меня добычу, и она принимала смерть от моих ножей. При свете лун я разделывал тушу. И мы возвращались в лагерь. Утром всех ожидало жаркое.

С недавних пор мы начали иную охоту.

Нас интересовали те, кто следил за нами. Кто присматривался к нам зрачками воронов. Кто вторгся в мои сны.

Мы решили найти их и задать вопросы.

Они стали нашей целью.

После ужина Грорг принялся варить чай. Мы все стянулись поближе к костру. Сидели кто на щитах, кто на тюках или поваленном стволе. Ивен появился так же внезапно, как и исчез. Сейчас он наигрывал на свирели незатейливую мелодию. Трибор ковырялся ножом в зубах.

Первым заговорил Коэн.

– Завтра мы вступим в Чёрные Болота. Если вам есть что сказать – я слушаю.

Звук свирели оборвался.

– Позволь мне, господин.

Взоры устремились к проводнику.

Коэн склонил голову.

– Гиблые места, – начал старик. – Злые края. Не нужно нам было сюда лезть... А коль нет у нас выбора, вот что я скажу. Карету придётся оставить здесь. И коней. Они дальше не пройдут, обузой станут.

Он умолк.

В воздухе повисла недосказанность.

– Что ещё? – спросил Коэн.

– Жертва, – старческий голос окреп. – Ингрису, богу чащ, принести жертву надобно. А не то сгинем.

Трибор сплюнул.

Воины зашумели, нахмурились.

– Какую жертву? – уточнил Коэн.

– Лучше всего – кабана. Олень – тоже неплохо.

Трибор расхохотался.

– Ты из ума выжил, дед.

– Я-то, может, и выжил, Трибор сын Эйтина, – проводник буквально впился глазами в десятника. – Но кто нам поможет, когда волколаки возьмут след? Клан Гончих Псов – вот кто хозяин этих угодий.

Издали донёсся вой.

Словно в подтверждение слов провожатого.

– Нет, – сказал Коэн. – Никаких жертв.

– Как знаешь, – старик сверкнул глазами. – Твоя воля.

– Моя, – согласился Коэн. Достал из складок одежды карту. Расстелил на щите с наветренной стороны от костра. Так, чтобы падал свет, а не искры. – Я хочу, чтобы ты поведал о предстоящем пути. Где нас ждёт опасность. Какая дорога лучше. И как скоро мы выйдем к Лихому Броду.

Кряхтя, старик склонился над картой. Подошёл к ней и Трибор.

– Везде топи, – прошамкал Ивен. И ткнул крючковатым пальцем в пергамент. – Вот здесь развилка. Прямой путь к Броду – через Мерф. Окольный ведёт к Тризским Пустошам.

– В Пустошах нам понадобятся кони, – заметил Трибор.

– Это потеря темпа, – вздохнул Коэн. – Надо идти в Мерф.

– Они наши союзники, – сказал Зенон, мечник из Познанских Полей. – Должны пропустить.

– Союзники, – прорычал Трибор. – Думай, что говоришь. В два счёта обернутся и перегрызут тебе глотку.

Я придвинулся к карте.

И увидел то, что ускользнуло от моих спутников.

– Смотрите, – я провёл пальцем по извилистой линии Немеса, одного из притоков Тичи. – Река в трёх стадиях отсюда. А вот здесь она впадает в Тичь. Брод совсем близко.

– И что? – Грорг почесал затылок.

Я ухмыляюсь.

– Ничто не мешает нам сплавиться вниз по реке. Сколотим плот и без помех доберёмся куда надо.

– А парень дело говорит, – согласился Трибор.

Во взгляде Ивена, который он бросил на меня, сквозило удивление. И уважение. Но всё-таки он произнёс:

– Не всё так гладко. Здесь и ещё тут – пороги.
– Перетащим плот, – парировал Трибор. – Волоком.
– Решено! – Громко сказал Коэн. – Всё лишнее оставляем здесь. К Броду спустимся по реке.

На этом импровизированное собрание закончилось. Отряд разбрёлся по лагерю. Кто-то начал рубить дрова, иные стали устраиваться на ночлег. Зенон точил меч, напевая себе под нос старинную балладу. Стреноженные кони, изредка всхрапывая, дремали среди деревьев. Некоторые уже улеглись.

Костёр потрескивал в неглубокой яме.

Я растянулся на плаще, подложив под голову тук. Спать ещё не хотелось. Мои глаза прилипли к пляшущим языкам пламени. Их танец завораживал. Наверное, бесчисленные поколения людей тысячелетиями вот так же всматривались в эту первобытную силу. С трепетом или страхом – кто знает. Чем привлекает нас огонь? Осознанием того, что по прошествии лет наш внук поднесёт факел к хворосту, и эти языки коснутся наших лиц? Стирая посмертные маски. Уравнивая простолоудина и ярла. Кузнец видит в пламени будущий клинок или гвоздь, повар – жаркое, колдун – источник силы. Таёжный шаман видит демонов и духов.

Не только шаман.

Я – тоже.

Языки пламени неожиданно вытянулись и вобрали в себя поляну, усталых путников, их оружие, еду, поклажу. Всё.

Мчусь сквозь лес. От скорости окружающее смазывается. Тьма, контуры деревьев, ткань звёздного неба – всё сливается в вихре движения. По ногам и телу хлещут ветки, но я ничего не ощущаю. Рядом со мной бежит рлок. Мы вписываемся в ветер. Мы и есть ветер.

Я не задаю вопросов. Между нами молчаливое понимание. На глубинном уровне. Связь с детства. Мой друг хочет показать что-то. Я должен это непременно увидеть. Вот и вся картина мира.

На одном дыхании мы пересекаем овраги. Перелетаем через холмы. Нас не задерживают ни топи, ни ручьи, ни реки.

Скоро.

Топи разрастаются, заполняя собой лес подобно проказе. Болезненный пароксизм матери-земли. Мы летим над бурой трясинной, и я понимаю, что уже светает. Непостижимым образом нам удалось преодолеть не только пространство, но и время. И вот перед нами вырастает зловещий Мерф, его бревенчатые дома, коньки крыш, украшенные резными фигурками зверей, демонстрирующими принадлежность тому или иному Клану.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.